

ПАВЕЛ АСТАХОВ

РЕЙДЕР 2



Адвокат Артем Павлов

Павел Астахов

Рейдер-2

«ЭКСМО»

2011

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Астахов П. А.

Рейдер-2 / П. А. Астахов — «Эксмо», 2011 — (Адвокат Артем Павлов)

ISBN 978-5-699-54667-1

Вы завидуете чужому успеху? Вам понравился бизнес партнера? Задумали быстро обогатиться? К вашим услугам РЕЙДЕРЫ! Они по-прежнему отравляют жизнь отечественным предпринимателям и паразитируют на несовершенстве наших законов. За время борьбы государства с этим злом их аппетиты только выросли, нравы стали еще кровожаднее, а методы поглощения и захвата – более изощренными. Злой гений, продажный следователь и коррумпированный чиновник объединились для захвата банковской системы страны. Одним из маленьких звеньев плана стал банк «Сатурн» Аркадия Соловьева. Банкир арестован, банк на грани разорения, и на помощь приходит адвокат Артем Павлов. Он ввязывается в очередную схватку, не догадываясь, что стал на пути чудовищного по масштабам и средствам плана, который рейдеры доведут до конца во что бы то ни стало. Жизнь адвоката вновь на волоске.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-54667-1

© Астахов П. А., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Захват	6
Плохой день	9
Арест	12
На допросе	15
Дрозд	20
Неожиданное знакомство	22
Тактика давления	25
Богачев	27
Суд	29
Сослуживцы	33
Лед тронулся	35
Валеев	38
Ужин на двоих	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Павел Астахов

Рейдер-2

© Астахов П., 2012

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

*Они нуждаются, обладая богатством, – а это самый тяжелый
вид нищеты.*

Сенека

Не поможет богатство в день гнева, правда же спасет от смерти.
Соломон. Гл. 10, стих 4

Захват

Аркадий Алексеевич Соловьев мазнул взглядом по аквариуму и уже намеревался включить свой ноутбук, как голова снова повернулась к рыбкам. Его обожаемый анциструс, сомик с телом каплевидно-приплюснутой формы, выплыл из своего убежища, представлявшего собой затонувшее пиратское судно, и, казалось, смотрел прямо на него, при этом рот беззвучно открывался и закрывался, как крышка шкатулки.

Аркадий Алексеевич хмыкнул и уселся за стол. Рыбки рыбками, но надо и работу делать. Он нажал на кнопку коммутатора и произнес:

– Валюша, чаю, пожалуйста.

– Одну минутку, Аркадий Алексеевич, – отозвалась секретарша.

Банкир ослабил узел галстука и, наконец, включил ноутбук. Понедельник в банке «Сатурн» начинался с обычной рутины. Соловьев вдруг вспомнил о проведенной недавно в банке аудиторской проверке, результаты которой ему, к большой досаде, пока были неизвестны. И хотя он был настроен оптимистично и твердо уверен, что в его «Багдаде», то есть в «Сатурне», все спокойно, какое-то мутно-гложащее ощущение тревоги не отпускало его все последние дни. Соловьев снова посмотрел на аквариум. Анциструс продолжал пялиться на банкира немигающим взглядом, что-то лопоча на своем рыбьем языке.

– Аркадий Алексеевич, можно? – В кабинет, цокая каблучками, впорхнула секретарша Валя, неся в руках поднос с чаем и бисквитным печеньем.

– Спасибо, – рассеянно ответил Соловьев.

Он отхлебнул чаю, подумав, что понеделнику вполне заслуженно присвоили статус тяжелого дня. Он усмехнулся, вспомнив анекдот про то, как одного мужика вели на расстрел, а он спрашивает у палача: «Какой сегодня день?» Тот: «Понедельник». Мужик: «Обалденно неделя начинается...»

Аркадий Алексеевич вздохнул и стал перебирать документы, которые не успел просмотреть в пятницу, не забывая грызть при этом свое любимое печенье. Заявки на кредиты, счета, отчеты за квартал, письмо из коллекторского агентства...

Ноутбук загрузился, и Соловьев решил проверить электронную почту. Прежде чем набрать пароль, он неожиданно обратил внимание на высветившееся среди новостных лент сообщение: «Убийство или самоубийство? Бывший владелец банка «Трест-Банк» Ракитин обнаружен повешенным в камере».

Соловьев нахмурился. Он знал Славу Ракитина, хотя и шапочно. Это был упертый и принципиальный человек от макушки до пяток, зачастую принимающий неординарные и жесткие решения. Дело, по которому его «обрабатывали» жернова правоохранительной системы, было шито белыми нитками, об этом говорили все. Банковская деятельность многогранна и необыкновенно сложна, да и вообще входит в разряд самых рискованных и непредсказуемых. А Ракитину с его характером было вдвойне непросто... Особенно если еще учесть, что его банк принял участие в столь масштабно разрекламированной государственной программе по распределению целевых бюджетных средств. В какой-то момент деньги, поступившие из казны в банк, невероятным образом исчезли, и Ракитина арестовали.

По иронии судьбы возглавляемый им банк «Сатурн» сам недавно влился в эту кампанию, и теперь Соловьев размышлял, а по Сеньке ли шапка? Да, правительство сулило коммерческим банкам, оказывающим содействие в распределении бюджетных средств, различные льготы в виде налоговых послаблений и тому подобное, но Аркадий Алексеевич привык мыслить практично и при каждом удобном случае считал не лишним подстраховаться.

Дочитав статью, он покачал головой, думая про себя, что Славе изначально не следовало лезть в банковскую сферу. Не его это. Как говорится, рыба ищет, где глубже, а человек... Вот и занимался бы чем угодно, только не банковскими операциями.

Соловьев вздрогнул и в третий раз взглянул на аквариум. Анциструс не изменил своего положения, но шлепать губами уже перестал, и банкир внезапно подумал, что эта забавная, немного неуклюжая рыбка никогда не покидает по утрам своего любимого места и начинает шевелить плавниками лишь к обеду. Аркадий Алексеевич был готов поклясться в этом, уж что-то, а повадки своих любимиц он изучил давно.

Соловьев встал и подошел к аквариуму. Как только мужчина оказался рядом, анциструс юркнул в свое убежище, оставив на всеобщее обозрение лишь кончик хвоста.

– Аркадий Алексеевич, можно убирать? – заглянула в кабинет Валя. Соловьев кивнул, и девушка прошествовала к столу. Она взяла в руки поднос, как неожиданно где-то в глубине офиса послышался шум.

– Что там такое? – проворчал Соловьев. Доносящиеся с ресепшена звуки не оставляли сомнений, что там происходила борьба.

Внезапно кто-то закричал, и Аркадий Алексеевич почувствовал, как у него заколотилось сердце. Он отстранил побледневшую секретаршу и вышел из кабинета, теша себя жалкой надеждой, что в банке появился какой-то хам или пьяный. Но почему в таком случае его не усмирят охранники?

Каково же было удивление Соловьева, когда прямо перед ним выросли трое рослых мужчин в одинаковой темной униформе, двое из них были вооружены автоматами. В паре шагов от них, размазывая по лицу кровь, на полу корчился охранник банка Дмитрий. Немногочисленные клиенты в ужасе сбились в кучку. Кто-то из мужчин попытался воспользоваться мобильным телефоном, но один из громил в форме шагнул в его сторону, при этом словно невзначай направив ствол автомата в живот. Побелев, мужчина понятиливо затряс головой, и мобильник в его руках больше не появлялся.

– В чем дело? Кто вы такие?! – стараясь, чтобы голос его звучал грозно, спросил Соловьев. Несмотря на охватившую его панику, он рассмотрел, что на груди у каждого амбала ярко желтела прямоугольная нашивка «ЦСН ОР МВД России»¹.

Валя вышла вслед за Аркадием Алексеевичем из кабинета банкира и истуканом стояла возле рекламной стойки, где были аккуратными стопочками разложены красочные буклеты банка. Поднос с пустой чашкой и недоеденным печеньем все еще был в ее руках, она словно забыла о его существовании.

– Как ваша фамилия? – угрюмо поинтересовался самый рослый из вошедших. Он был выше Аркадия Алексеевича почти на голову, и, когда сделал в его направлении шаг, у банкира обмякли ноги.

В этот момент двери банка распахнулись и внутрь вошел мужчина в темно-синем костюме, невысокого роста, с глубокими залысинами, за ним следовал еще один крепыш в такой же униформе, что и эти трое. У «костюма» в руках была пухлая кожаная папка.

– Фамилия?! – рявкнул здоровяк.

– Соловьев. Я генеральный директор этого банка. Но что вам нужно? – спросил Аркадий Алексеевич, и голос его дрогнул.

Амбал принялся молча заталкивать растерявшегося банкира в его кабинет.

– Валя, вызывай полицию! – закричал Аркадий Алексеевич. Его вдруг прорвало, теперь он был почти уверен, что никакие это не полицейские, а самые настоящие бандиты.

Девушка встрепенулась, намереваясь выполнить указание шефа, но стоявший рядом спецназовец оказался проворнее и грубо схватил Валу за руку. Девушка вскрикнула, поднос

¹ Центр специального назначения сил оперативного реагирования.

выскользнул из ее пальцев и грохнулся на пол. Чашка упала прямо возле ее ног, моментально разбившись и забрызгав остатками чая ее модные туфли на высоком каблуке.

– Послушайте, что здесь происходит? – не выдержал пожилой мужчина с белоснежной шапкой седых волос. – Выпустите нас!

– Граждане, спокойно, спокойно, – подал голос вошедший «костюм». Он прошел вперед, осколки стекла от разбитой посуды тихо хрустели под его до блеска начищенными туфлями. Мужчина кашлянул и обвел присутствующих цепким взглядом:

– Сейчас в вашем присутствии сотрудниками полиции проводится задержание генерального директора банка «Сатурн» Соловьева Аркадия Александровича...

– Алексеевича, – пискнула Валя, и спецназовец, держащий ее за руку, громко засмеялся.

– Пусть будет Алексеевич, – равнодушно согласился «костюм».

– На каком основании? – бледнея, спросил Соловьев. Мысли метались, как подстреленные птицы, а перед глазами маячил недавно увиденный заголовок про смерть коллеги Ракитина.

– ...по подозрению в отмывании денег, а также за изготовление поддельных ценных бумаг... – бубнил в это время мужчина с залысинами. Он поднял на Соловьева бесцветные глаза и взмахнул рукой. – Будем проводить обыск, вот соответствующее постановление. Я – следователь Коренко Михаил Романович, кстати. И мне нужны понятые, – добавил он и улыбнулся, при этом его сузившиеся глаза оставались холодно-настороженными.

Особым желанием выступить в качестве понятых из числа клиентов никто не горел. Тем не менее спецназовцы недвусмысленно дали понять, что бегать по улице и специально отлавливать понятых они тоже не собираются, и ситуацию в конце концов спасли седовласый мужчина и какой-то молодой парень.

Плохой день

В то время как на генеральном директоре банка «Сатурн» господине Соловьеве вот-вот были готовы защелкнуться наручники, Артем Павлов стоял в изнуряющей автомобильной пробке, безуспешно пытаясь дозвониться до матери. Однако связь постоянно была занята, а Павлов знал, что мама не любитель долгой болтовни. И в тот момент, когда он уже не на шутку встревожился, трубку наконец взяли.

– Мама? У тебя все нормально? Полчаса тебе звоню, занято постоянно, – громко заговорил Артем, стараясь перекрыть шум работавших двигателей.

– Да это я, растяпа, трубку криво положила, – оправдываясь, пояснила пожилая женщина.

– Как ты? Давление не скачет?

– Нормально, сынок.

Посторонний не обратил бы на это внимания, но Павлов буквально кожей почувствовал прохладу в голосе матери. Что ж, он ее понимает. Любому человеку свойственно чувство восприимчивости, в каком бы ты возрасте ни был, а уж для матери нет ничего трепетнее, чем внимание детей. У Артема не было оснований в чем-либо себя упрекнуть – при любой появившейся возможности он пулей летел к ней, навьюченный баулами с разного рода вкусностями, не забывая прихватить при этом охапку цветов. «Но мама есть мама, и сколько бы ни было тебе лет, – думал он, – ты всегда останешься для нее мальчишкой, которого она хочет видеть перед собой каждый день».

Поболтав еще пару минут ни о чем и клятвенно пообещав навестить в ближайшее время, Артем отключил телефон. Пробка начала рассасываться, и адвокат, воодушевившись, прибавил газу. Неожиданно мобильный тренькнул и моргнул экраном. Павлов скосил взгляд. Пришло какое-то напоминание о важной дате.

Ворча про себя (а вдруг это что-то важное, а он забыл?!), Артем взял телефон и защелкал клавишами.

– Вот как? – вслух сказал он. – Спасибо, что освежили память!

Да, с этой круговертью на работе совсем вылетело из головы – а ведь сегодня день рождения одного из лучших его друзей, Шамиля Саффинова. Долгое время они общались и поддерживали отношения на весьма неблизком расстоянии – Шамиль работал в Службе судебных приставов в Уральском федеральном округе, но полтора года назад ему сделали предложение попробовать себя в должности начальника Управления противодействия коррупции, и за небольшой промежуток времени Саффинов зарекомендовал себя как профессионал высочайшего класса. Благодаря его колоссальному опыту вкупе с личными качествами, такими как порядочность и объективность, Шамиль пользовался вполне заслуженным авторитетом среди верхушки многих силовых ведомств страны. И даже несмотря на то, что официально они с Павловым уже столько времени стоят по разные стороны баррикад, дружба их только крепла.

Адвокат уже хотел набрать номер друга, как вдруг вспомнил, что совсем недавно на встрече Шамиль хвастался новым охотничьим карабином «Тигр» (он, как и Артем, был заядлым охотником) и сетовал, что не хватает времени купить к нему подходящий оптический прицел.

Павлов посмотрел по сторонам. Если ему не изменяет память, как раз где-то неподалеку располагается неплохой охотничий магазин. Эх, была не была!

Через пятнадцать минут Павлов парковался у какого-то невзрачного ресторана, так как все свободные места для стоянки у охотничьего магазина были заняты. Он уже вышел из машины и направился к магазину, как его окликнул сутулый мужчина неопределенного возраста в темно-серой форме, больше смахивавшей на строительную робу не первой свежести.

– Уберите машину! – нагло скомандовал он, видя, что Павлов направляется не в ресторан, а совершенно в другую сторону.

– Это вы ко мне обращаетесь? – удивился Артем.

– Да. Это места для клиентов заведения, – для пущей важности добавил секьюрити.

– А вы, простите, кто? – осведомился Павлов.

– Я охраняю территорию нашего ресторана, – со снисходительным видом объяснил охранник: мол, ты че, мужик, будто не видно?

Он ткнул пальцем в бейджик, словно Павлов мог усомниться в его словах. Надпись была настолько выцветшей, что даже Артем со своим превосходным зрением не смог ничего разобрать.

– А с каких это пор территория города принадлежит вашему ресторану? Вы купили эту землю? – полюбопытствовал Павлов.

– Э... – замялся секьюрити. Было видно, что он еще не до конца определился, как ему вести себя с этим странным типом – вроде не мордорот, не из блатных, но в то же время ведет себя как главный.

– Кто у вас старший? Администратор, еще кто-нибудь? – уже наседа на оробевшего охранника Артем.

В это мгновение из ресторана выскочил вертлявый мужичонка с прилизанными волосами. Гневно раздувая ноздри, он уже намеревался вступить за вконец растерявшегося секьюрити, как вдруг в глазах его промелькнуло какое-то понимание и он, выдавив фальшивую улыбку, подобострастно спросил:

– Бог мой, неужели сам господин Павлов решил украсить своим присутствием наше заведение? Это огромная честь для нас...

– Я направляюсь туда, – перебил его Артем, указав в сторону охотничьего магазина.

– У вас возникли какие-то проблемы? – с жеманным видом склонил голову администратор, и Павлов пожал плечами:

– Проблем нет. Просто ваш бдительный сотрудник считает, что я поставил свой автомобиль сюда незаконно. Но я смею надеяться, что это просто недоразумение, верно? И я полагаю, что человек, желающий отведать блюда в вашем заведении, в любом случае заглянет к вам, даже будь тут все заставлено машинами, так?

– Да, конечно, – залепетал администратор. – Он, понимаете, у нас недавно работает и вообще вас не узнал...

– Всего хорошего, – бросил Павлов и зашагал к магазину, вполуха слушая, как красный от стыда администратор шипит на изумленного секьюрити.

Магазин радовал выбором и разнообразием ассортимента, но Павлов наметанным глазом быстро определил именно то, что хотел Шамиль. Он подробно расспросил продавца о свойствах и технических характеристиках прицела и, приняв окончательное решение его приобрести, направился в кассу.

– Добрый день, – поздоровался он с миловидной девушкой, роясь в кармане. Бумажник что-то никак не находился.

– Здравствуйте, – улыбнулась в ответ кассирша, не сводя глаз с Артема. Она сразу узнала известного адвоката и телеведущего.

Павлов тем временем уже хлопал себя по всем карманам, раздраженно ворча, как вдруг вздохнул – он вспомнил, что оставил бумажник в другом пиджаке. И все кредитки там остались... Краем уха Артем слышал, как консультант по продажам тайком перешучивается со своим помощником, и адвокат был готов держать пари на что угодно, что эти двое уже начинают сомневаться: это действительно Павлов или нет... Мол, как же так – «звезда», и на мели!..

Он на всякий случай сунул руку во внутренний карман. Пальцы нащупали жесткий пластик, и с губ сорвался облегченный вздох – есть. Карточка банка «Сатурн», он как раз недавно продлевал срок ее действия и не успел убрать в бумажник. Он протянул девушке кредитку.

Павлов уже предвкушал, как обрадуется прицелу Шамиль, но в этот момент от столь приятных мыслей его отвлек разочарованный голос девушки:

– Извините... Но на вашей карте недостаточно средств.

– Как это? – не поверил Артем.

Девушка растерянно пожала плечами, при этом у нее был такой вид, словно в происходящем была исключительно ее вина. Ну, в крайнем случае, виноват считыватель магнитных карт.

– Вы точно проверили? – на всякий случай уточнил Артем, доставая мобильник. «Что-то понедельник не задается», – промелькнула у него мысль. Он даже не подозревал, насколько не задался понедельник у Аркадия Алексеевича, которому он, кстати, собирался звонить прямо сейчас, чтобы решить проблему с текущим счетом.

Продавцы уже в открытую хихикали, наблюдая за происходящим, но Артема это мало волновало. Соловьев не отвечал, и он набрал телефон банка, который сохранил на всякий случай. Трубку долго не брали, и Артем уже собирался отключиться, как неожиданно в ухо ворвались перепуганные женские крики:

– Але?! Але, помогите!

– Что случилось? Валя, это вы? – насторожился Павлов, чувствуя, что происходит что-то неладное. В голосе звучал неподдельный ужас.

– Артемий Андреевич?! Приезжайте скорее, Аркадия Алексеевича арестовали, нас всех обыскали...

– Кто эти люди? Ты можешь передать кому-то трубку?!

Но тут связь оборвалась, и слышались только монотонные гудки. Павлов посмотрел на застывшую кассиршу, потом на умолкших продавцов:

– Покупка не состоялась. Но я еще вернусь.

И он пулей вылетел из магазина.

– Ну и работа, – скептически поджал губы один из продавцов. – Вот так позвонят, когда ты с бабой или на толчке, и беги...

– Каждый делает свой выбор сам, – с глубокомысленным видом заметил второй. Они немного помолчали. – Че с прицелом-то делать? Он последний остался.

– Отложи, – посоветовал первый продавец. – Он придет. Точно говорю.

Арест

По дороге Павлов снова вспомнил, зачем он заезжал в охотничий магазин, набрал номер Шамиля и поздравил друга.

– Спасибо, Тема, – тепло поблагодарил его Саффилов. – Ты заедешь сегодня? – поинтересовался он. – Я отличное место знаю, нас немного будет. Посидим, как в добрые времена...

– Не обещаю, – честно признался Павлов. – Но в любом случае благодарю за приглашение. И, кстати, с меня подарок.

– Перестань. Это не так уж важно.

– Для меня важно.

– Ты все спешишь? – спросил Шамиль, по голосу Артема догадавшись, что он куда-то торопится.

– Н-да. Пока только не знаю зачем.

– Ладно. Звони, если что.

Через двадцать минут автомобиль Павлова уже летел по Садовому кольцу, свернул в нужный переулок и остановился неподалеку от здания банка. Артем присвистнул – похоже, дело действительно серьезное. Прямо возле входа был припаркован полицейский автобус, чуть поодаль стояла еще одна патрульная машина. У стеклянных дверей дежурил спецназовец, никого не впуская в здание.

«Значит, они еще внутри», – сказал про себя Павлов, выбираясь из автомобиля. Он уверенным шагом направился к банку, прокручивая в мозгу, чем же таким провинился Аркадий Соловьев, раз уж его персону удостоили столь усиленным вниманием. Заметивший его спецназовец насторожился, и Павлов широко улыбнулся в ответ. Однако прежде чем они успели что-то сказать друг другу, двери распахнулись, и наружу вывалилась целая процессия, которую возглавлял следователь Коренко. За ним шли двое спецназовцев, с обеих сторон крепко держа насмерть перепуганного Соловьева. Со взмокшими от пота волосами и разорванным воротником банкир затравленно озирался по сторонам, словно до последнего момента ждал чудесного избавления от свалившегося на него кошмара. Замыкал процессию еще один полицейский – он тащил кипу документов, изъятых в ходе обыска.

– Аркадий Алексеевич, – позвал Павлов, и Соловьев, рискуя сломать шейные позвонки, обернулся.

– Павлов! Артем! – закричал он, узнав адвоката, и на его измученном лице блеснул лучик надежды. – Павлов, вытащи меня! Это беспредел, ты посмотри, что...

– Заткни пасть, – процедил один из державших его полицейских и толкнул.

– Позвони домой, ты имеешь право на звонок! – успел крикнуть Артем, но он не был уверен, услышал ли его банкир. Несчастного Аркадия Алексеевича почти волоком дотащили до автобуса и швырнули внутрь, как мешок с картошкой. Из патрульного автомобиля неторопливо вылез еще один полицейский и подошел к Коренко, словно ожидая какой-то команды.

– Вот этих двух, – указал следователь на главбуха и секретаря, которые в безмолвном ужасе наблюдали, как обращаются с их начальником, – забирай к себе в машину. Доставишь к нам.

– Я не поеду! – взвизгнула Валя, но ее уже вместе с главным бухгалтером тащили к машине. С размазанной тушью и опухшими от слез глазами Валя выглядела настолько беспомощно, что у Павлова защемило сердце. Шагнув вперед, он обратился к Коренко:

– Я адвокат Артем Павлов, городская Коллегия адвокатов. Вы могли бы хоть в двух словах объяснить происходящее?

Коренко окинул адвоката смешанным взглядом неприязни и тревоги:

– А вам-то, собственно, какое дело?

– Кажется, я уже представился. Или вам удостоверение показать?

Следователь отрицательно покачал головой, давая понять, что верит Павлову на слово, и выдал:

– Очень рад знакомству, господин Павлов. Моя фамилия Коренко. Вы все узнаете у следователя. Если, конечно, у вас будут необходимые полномочия.

– Они будут, – пообещал Артем. – Куда его повезут?

– В Следственный комитет, – отвернувшись, сказал Коренко. Ему не доставляло удовольствия беседовать с этим настырным представителем адвокатуры, тем более что свою часть работы он сделал, и сделал, как ему представлялось, весьма недурно.

– Прошу прощения, надеюсь, вы помните, что Соловьев имеет право на телефонный звонок? – осведомился Павлов.

– Разумеется, – буркнул Коренко. – А откуда вы знаете, что он его уже не реализовал?

– В таком случае я был бы тут намного раньше, – заметил Артем. Намек дошел до Коренко довольно быстро, и его впалые щеки покрылись нездоровым румянцем.

– Вы, господин Павлов, полагаю, решили мне устроить экзамен по процессуальному праву?

– Никоим образом, – заверил его Артем.

Коренко некоторое время внимательно смотрел на адвоката, будто ожидая от него очередного подвоха, потом неуклюже засеменил в сторону служебного автобуса.

– Все по местам, – скомандовал он, садясь в автомобиль. Фыркнув выхлопом, полицейские машины не спеша, словно демонстрируя свое тотальное и непоколебимое превосходство, выехали с территории банка и вскоре скрылись из виду.

Павлов на мгновение задумался. То, что он примчался сюда сломя голову, было скорее неким рефлексом, естественным порывом прийти на помощь, тем более тогда он вообще не имел представления, что происходит в «Сатурне». Сейчас он понимал, что ситуация более чем серьезная – ну не стали бы при задержании банкира использовать «тяжелую артиллерию» в виде спецназа. Артем невесело усмехнулся – они бы еще танки с вертолетом задействовали. И теперь он решал про себя, стоит ли ввязываться в игру. Он не мог сказать, что Соловьев входил в число его лучших друзей. Хотя в свое время Аркадий Алексеевич нередко выручал Артема, и, когда тому срочно нужно было совершить операции по счету (а бумажная волокита и прочие бюрократические формальности были смерти подобны), Соловьев без промедления приходил ему на помощь.

«Павлов, вытащи меня...»

Он вспомнил преисполненный мольбы крик банкира, и этот звенящий отголосок паниковавшего Соловьева поставил точку в его раздумьях. Какой бы тяжкий грех ни совершил банкир, он, как и любой человек, имеет законное право на необходимую в таких случаях юридическую помощь и защиту.

Если Соловьева повезли не в СИЗО, а в Следственный комитет, значит, его прямо сейчас будут допрашивать – уголовное дело наверняка уже возбуждено. И в интересах следствия допросить его, что называется, по горячим следам, когда клиент, то бишь банкир, еще «тепленький». Именно в такие моменты задержанных проще всего обработать и выбить из них «чистуху». Соответственно, нужно как можно быстрее оформить ордер на защиту Соловьева и приниматься за дело.

Артем взглянул на часы и покачал головой – времени, как всегда, катастрофически не хватало. А у него во второй половине дня еще запланирована телепередача на тему нарушений прав заключенных в местах лишения свободы. Павлов с собой даже все материалы взял, так как не был уверен, что успеет вернуться за ними домой. Так и вышло. А еще он хотел попасть к Шамилю...

– Слушай, у тебя закурить не найдется? – неожиданно услышал он голос.

Павлов обернулся и увидел перед собой охранника банка. Шмыгая разбитым носом, он держал в руках сломанную рацию, которую при захвате растоптали спецназовцы.

– Не курю, – сказал Артем. – Да и вам не рекомендую.

– Сволочи, такую вещь раздолбали! – возмущенно продолжал охранник, трясая рацией. – Видал, как они меня? – Он показал на нос, который к тому времени уже порядочно распух и напоминал перезрелый помидор.

– Дать обезболивающее? – предложил Павлов. – У меня в аптечке есть.

– Нет, спасибо, – с героическим видом отвечал секьюрити, но от гигиенической салфетки, предложенной адвокатом, не отказался и принялся вытирать лицо.

Артем уже собирался уходить, как увидел спешно направлявшегося к банку высокого темноволосого мужчину лет сорока. Он кивнул охраннику в знак приветствия и зашел внутрь. К тому времени неподалеку притормозила «Газель» с логотипом «НТВ», и оттуда высыпали люди с камерами и микрофонами. Все они ринулись к зданию банка.

– А это кто? – задал вопрос Павлов, имея в виду вошедшего в банк мужчину.

– Валеев. Сергей Валеев, заместитель нашего шефа, – охотно пояснил охранник.

«Интересно, почему он появился только сейчас? – промелькнуло у Артема. – И почему им не заинтересовался следователь?»

Павлов не тешил себя иллюзиями насчет соблюдения органами правопорядка прав Соловьева, касающихся телефонного звонка, – он почти не сомневался, что такой возможностью ему вряд ли разрешат воспользоваться.

Узнав в банке телефон супруги Аркадия Алексеевича, Павлов тут же ей позвонил. Реакция жены Евгении была бурной и эмоциональной, но, нужно отдать ей должное, в руках эта хрупкая светловолосая женщина себя держать умела.

– Если бы я знала что-то сомнительное о его делах, Артемий Андреевич, то, бесспорно, все рассказала бы, – искренне сказала она. – Аркаша не особенно скрывал от меня то, что у него происходило в банке, и я почти всегда была в курсе, что там у них делается. Понимаете, когда что-то происходит, близкий человек сразу чувствует перемены. А мы с ним уже четырнадцать лет вместе.

– И все же нам, вероятно, придется увидаться в ближайшее время, – сказал Павлов. Евгения уверила адвоката, что в любой момент готова подъехать куда угодно.

– Да, еще, Артем... можно я так вас буду называть? У моего мужа сахарный диабет, и ему нужен инсулин. Я очень волнуюсь, так как сами знаете, какое отношение к задержанным в тюрьме. А ему нужна специальная диета и все остальное...

– Он пока еще не в тюрьме, – проговорил Павлов, про себя подумав, что для суда нужно успеть взять справку о состоянии здоровья банкира. – В течение сорока восьми часов с момента задержания ему, по идее, должны предъявить обвинение, а уж суд решит, достаточно ли доказательств для дальнейшего содержания под стражей или нет.

– Будем надеяться на лучшее, – грустно сказала Женя. – Как вы думаете, когда я смогу его увидеть?

– Сейчас вас однозначно к нему не пустят. Но я поговорю со следователем.

Он попрощался с женщиной, быстро заполнил ордер (заполненные бланки ордеров всегда были при нем, так как жизнь полна неожиданностей) и поехал в Бумажный переулок, где располагалось здание Следственного комитета.

На допросе

– Ждите здесь, – сказал Коренко, обращаясь к оперативникам, сопровождавшим Соловьева. Сам он подошел к двери, на которой была пришпилена табличка: «Заместитель начальника отдела по расследованию преступлений в сфере экономической деятельности Дрозд Геннадий Яковлевич».

Он постучал в дверь и, не дожидаясь приглашения, вошел внутрь. За огромным, практически пустым столом восседал тучный человек с массивной челюстью. Увидев Коренко, он оторвался от бумаг:

– Привет. Проходи.

Несмотря на внушительные габариты, голос его звучал мягко, даже как-то приторно, словно успокаивал.

Откашлявшись, следователь подошел к столу и положил перед Дроздом пухлую папку.

– Вот, Геннадий Яковлевич. Здесь все. И там еще опера тащат кипу, что из банка изъяли. А это, – он вытащил из пакета большой увесистый конверт, на котором сплошь и рядом синели свежие печати, – самое интересное.

– Понятно, – сказал Геннадий Яковлевич и потер переносицу. – Где он?

– Его сейчас приведут.

– Все, благодарю за службу, – произнес Дрозд. – Я вызову, если что.

– Да, еще, Геннадий Яковлевич...

Дрозд вопросительно посмотрел на подчиненного.

– Когда мы уезжали, там появился не кто иной, как Павлов. Ну, этот самый... В передачах выступает.

– Адвокат?

– Да. Между прочим, член городской Коллегии адвокатов. И, насколько я понял, он за этого банкира решил впрячься.

Брови Геннадия Яковлевича поползли вверх.

– А они что, знакомы? – недоверчиво спросил он и гулко забарабанил пальцами по столу. – Ладно, иди. Скажи, пусть Соловьева в сто седьмой отведут.

Когда Коренко вышел, Дрозд набрал чей-то номер.

– Алло! Толя? Доброго времени суток. Я тебе не мешаю? Ага, я тоже рад слышать твой голос. Скажи мне, свет очей моих, ты в курсе, кто «вписался» за этого «сатурновца»? Нет? Так вот, докладываю, это Павлов собственной персоной. Гроза и зубная боль всей правоохранительной системы, ха-ха...

Какое-то время Дрозд молчал, потом продолжил:

– Значит, опыт уже был? Ну, и чья взяла? Ха-ха, ладно, можешь не говорить... Но Земля-то круглая, а, Толь? Смотри, как оно получается...

После короткой паузы он сказал:

– Ты знаешь, я никому не верю на слово. Слова – ветер, фуфло. А про этого адвоката я много слышал, Толя. И не дай бог нам на узкой дорожке с ним повстречаться. Ну, ладно, на время ты меня успокоил. Все, пока.

Геннадий Яковлевич раскрыл папку и мельком просмотрел протокол обыска. Его тонкие губы раздвинулись в непроизвольной улыбке. Улыбка была неприятная, скорее похожая на ухмылку, такое выражение появляется у человека, которому доставляет удовольствие видеть страдания других.

Он накинул китель и, захватив папку с документами, направился в сто седьмой кабинет, где обычно проводились допросы задержанных.

Вид у Соловьева был еще хуже, чем при посадке в полицейский автобус. Бледный, со взъерошенными волосами и трясущимися руками, он напоминал параноика.

– Да уж, Аркадий... – Дрозд заглянул в документы, – Алексеевич. Вид у вас неважнецкий. А дела и того хуже, буду с вами предельно откровенен.

– Я... Пожалуйста, мне нужны лекарства... – задышавшись, проговорил банкир. Он принялся судорожно расстегивать пуговицы на рубашке, но движения его были неловки, и он, отчаявшись, попросту рванул и без того разорванный воротник. Пуговицы россыпью полетели на пол.

– Вам плохо? – с деланным участием спросил Дрозд.

– Я диабетик... Мне нужен инсулин...

– Сейчас мы с вами немного побеседуем, а потом я к вам приглашу врача. А вы напишете, какие лекарства и в каком количестве вам нужны. Я передам эту информацию вашей супруге.

– Мне нужен... адвокат, – сглотнул Аркадий Алексеевич, словно у него в горле был комок.

При слове «адвокат» Дрозд поморщился, как будто испытывал сильнейшую зубную боль.

– Полно вам, Аркадий Алексеевич. У нас сейчас с вами простая беседа, приватная, скажем так.

– Что вам нужно?! Я совершенно... совершенно ничего не понимаю! – выкрикнул Соловьев.

– Пожалуйста, – следователь будто ждал этой эмоциональной фразы. – Начнем по порядку?

Он открыл папку, которую принес ему Коренко, и принялся зачитывать вслух причины задержания Соловьева. По мере того как Дрозд читал, и без того бледное лицо Аркадия Алексеевича стало белее простыни.

– Это... клевета! И вы за это ответите!

– Разумеется, – холодно сказал Дрозд. – Я только хотел вам напомнить про одну очень полезную для вас вещь.

– Ка... какую? – прошептал Соловьев, уже потерявший способность что-либо соображать.

– Чистосердечное признание.

– Нет. Нет, нет и нет. Я хочу адвоката, – уперся Аркадий Алексеевич.

– Ладно. Начнем с конца. Откуда у вас пистолет? – спросил Дрозд.

– Я никогда... у меня... это вы мне его подбросили! – вдруг завизжал Соловьев, уже не в силах себя сдерживать.

– Странно. Понятые были рядом, и они наверняка бы заметили, если бы кто-то из оперативников что-то вам подбросил в ваш, замечу, Аркадий Алексеевич, сейф.

Дрозд откинулся на спинку стула, собираясь сказать что-то еще, но в этот момент зазвонил его мобильный телефон.

– Да.

– Геннадий Яковлевич, там на КПП адвокат пришел, – раздался в трубке голос дежурного. – Мы удостоверение проверили, это Павлов.

Следователь бросил короткий взгляд на съжившегося Соловьева.

– Не пускать. У него и ордера-то нет.

– В том-то и дело, что ордер есть, Геннадий Яковлевич. Так что делать?

Дрозд нахмурился. Тогда все сложнее. Когда он все успел? Жаль, но придется его пустить, иначе этот въедливый защитник устроит такую бучу, что никому мало не покажется. Ну да ладно.

– Хорошо, проведите его в сто седьмой, мы тут как раз с задержанным беседуем, – произнес он.

– Есть, – отрапортовал дежурный.

Менее чем через пять минут Павлов был в кабинете. Дрозд сухо поздоровался с ним и внимательно, чуть ли не сквозь лупу изучил представленный ордер на защиту Соловьева.

– Да, все верно, – наконец сказал он, засовывая ордер себе в папку. – Вы желаете присутствовать на допросе, господин адвокат?

– Я и мой клиент желаем остаться наедине, – мягко сказал Артем. – Согласно статье девяносто второй Уголовно-процессуального кодекса до начала допроса подозреваемому должно быть обеспечено свидание с защитником. Причем наедине и конфиденциально, – прибавил он.

На лице Дрозда не дрогнул ни один мускул, но Павлов видел, что такой исход дела ему явно не понравился.

– И не менее двух часов, – улыбнулся Павлов. – Все в рамках закона, Геннадий Яковлевич.

Дрозд поднялся из-за стола.

– Вот кнопка, – сказал он, указывая на стену. – Как закончите, сообщите.

– Я бы хотел ознакомиться с постановлением о возбуждении уголовного дела, а также с протоколом задержания, – напомнил Артем, и Дрозд снова кивнул.

– Вам занесут копии через десять минут, – бросил он и вышел из кабинета.

– Что случилось? – сразу спросил Соловьева адвокат, доставая блокнот с ручкой.

Аркадий Алексеевич, приободренный появлением Павлова, придвинулся ближе.

– Артем Андреевич, они подбросили мне пистолет! Представляете? Я думал, такое в кино бывает! – с жаром заговорил банкир. – Я и в жизни-то оружия не держал...

– Давайте сначала, – перебил его Павлов, сразу поняв, что пистолет здесь играл роль косвенной улики, то есть фигурировал для подстраховки.

Соловьев вздохнул, приводя свои мысли в порядок. Пока он обдумывал ситуацию, в кабинет занесли копии документов, о которых говорил Павлов.

– Значит, так, – начал Соловьев. – Недавно у нас была внеплановая аудиторская проверка. Председатель комиссии уверял меня, что все нормально и никаких последствий не будет. Сегодня, когда в моем офисе производили обыск, я узнаю, что результаты проверки как раз таки легли в основу моего задержания. Более того, при обыске нашли поддельные кредитные карты, а также ценные бумаги – векселя и так далее. Мне также предъявили отмывание денег, мол, наш банк хранил вклады и совершал по ним операции какой-то преступной группировки, и вроде некоторых из них уже задержали, и на допросах всплыл мой несчастный «Сатурн»! Чушь собачья! Это чистая подстава! Павлов, ты ведь веришь мне?

Павлов делал краткие записи, про себя повторяя, что все, о чем наговорил ему генеральный директор, слишком мелко и вряд ли бы по такому поводу стали привлекать спецназ. Это все ерунда и никак не тянет на тюремные нары. Нет, что-то Соловьев скрывал. Он быстро просмотрел постановление о возбуждении дела.

– Тут говорится о покушении на присвоение целевого государственного кредита, – сказал Артем. – Ваш банк получал его? Семьдесят два миллиарда, деньги немалые.

Соловьев потер виски.

– Да. Деньги поступили на корреспондентский счет нашего банка в пятницу, – сказал он. – Но какое это имеет отношение к моему задержанию? Я-то ведь их не крал, деньги не обналичены. Это может подтвердить любая проверка! Тем более что кредит должен впоследствии быть переведен на счет другой компании! При чем тут мой скромный «Сатурн»?

И снова перед глазами Аркадия Алексеевича возникло лицо Славы Ракитина, которого нашли повешенным. Его банк тоже получал государственный кредит. Боже, неужели?..

Павлов терпеливо ждал, пока Соловьев выговорится полностью.

– Наш банк принял участие в государственной программе, – вяло продолжил банкир. – Оздоровление экономики, вливание дополнительных инвестиций, кредитование националь-

ных проектов... Сами знаете. Эти деньги должны пойти на помощь организациям различных сфер деятельности, в том числе промышленникам. А мы, то есть наш банк, соответственно, могли бы брать определенный процент за пользование кредитом с этих компаний. Как говорится, и волки сыты, и овцы целы. Понимаете?

– Понимаю, – ответил Павлов, продолжая что-то писать. Затем он поднял глаза: – Нужно как можно быстрее наложить арест на эти средства. Все эти поддельные кредитки – ерунда по сравнению с тем, если вас обвинят в хищении госсредств.

– Но пистолет... – жалобно проскулил Соловьев. – Я ведь никогда...

– Вы лично видели, как вам его подбрасывали? – прервал его Артем. Аркадий Алексеевич растерянно покачал головой. – Понятые тоже ничего не видели. Возможно, он у вас уже лежал, – задумчиво произнес Павлов. – У кого хранятся ключи от сейфа? Вы забираете их домой?

Соловьев снова отрицательно покачал головой. Все происходящее казалось ему дурным сном.

– Я держу их в столе, а ключ от ящика – в шкафу. Послушайте, но на этом пистолете даже моих отпечатков не найдут, – вдруг осенило его. – Он был в полиэтиленовом пакете!

Павлов пожал плечами:

– Для следствия это неважно. Вы могли в таком виде его приобрести и хранить у себя в сейфе. Отпечатки сейчас мало что решают.

Он встал из-за стола и подошел к окну.

– До того, как я узнал про этот кредит, я считал, что у вас есть какие-то враги. Ну, или недобросовестные конкуренты. Теперь я уверен, что все дело в деньгах. Кому предназначался кредит?

– ОАО «Промышленная компания «ЛУЧ».

– Ого! И что, им так понадобились деньги? – удивился Павлов. – «ЛУЧ» вроде никогда не бедствовал, тем более что деньги, насколько я в курсе, предназначались представителям малого бизнеса.

– Нам-то какая разница? – мрачно отозвался Соловьев. Он чихнул и вытер нос, брякнув наручниками. Этот звук напомнил ему о его новом положении, и банкир с ненавистью дернул кисти в стороны, словно после этого жеста закаленная сталь должна была лопнуть, как гнилая нитка.

– Деньги сейчас на счетах «Сатурна»? – спросил Павлов.

– Ну да.

– Их перевод на счета «ЛУЧа» производился?

– Н-не уверен. Должны были сегодня...

Голос Аркадия Алексеевича прозвучал несколько нерешительно, и Павлов отметил это.

– Нужно выяснить, дошли ли деньги до этой компании, – сказал адвокат. – Если они благополучно дошли до адресата, вы вне подозрений.

Он повернулся к Соловьеву, который сидел, понурившись, на самом краешке табуретки.

– Аркадий Алексеевич, отныне при любом следственном действии, которое будет проводиться с вашим участием следователь, незамедлительно требуют моего присутствия. Я разговаривал с вашей женой, она мысленно с вами и просит, чтобы вы не сдавались. Но я хочу, чтобы вы были предельно откровенны со мной, иначе мы не сдвинемся с места.

– Что мне делать? – с надеждой спросил Соловьев.

– Пока – ничего. Если вас неожиданно вызовут и начнут допрашивать, а меня не будет, воспользуйтесь статьей пятьдесят первой Конституции о праве не свидетельствовать против себя. Завтра я к вам снова приеду. А вы попробуйте собраться с мыслями и еще раз все вспомнить – что, где, когда... Да, я привез вам лекарства. Вы тоже скажите следователю, какой у вас

диагноз. Не стесняйтесь, требуйте врача. Скоро будет суд. И нам нужно хорошо подготовиться, чтобы вас выпустили на свободу, – сказал Артем.

Он достал стопку бумаг и принялся готовить ходатайства, а Соловьев с тоской посмотрел в окно, откуда пробился узенький солнечный лучик.

Дрозд

Геннадия Яковлевича Дрозда в буквальном смысле этого слова распирало от злости, и он поминутно смотрел на часы, томясь в ожидании. Вместо того чтобы быстренько расколоть этого тьюфяка-банкира и двигаться дальше, он сидит и ждет, когда в соответствии с девяносто первой статьёй этот проныра Павлов вдосталь натреплетя со своим подзащитным... Ну ничего, этот адвокатишка сильно удивится, когда узнает, против чего ему придется бороться.

Геннадий Яковлевич был закоренелым прагматиком. Ему были чужды занудные рассуждения о справедливости и чувстве долга, он терпеть не мог эту философию. Его девиз был предельно прост: «Жить для себя и не давать другим мешать тебе жить по этому принципу». Пока это ему удавалось. В свои сорок два он дослужился до подполковника юстиции и, нужно сказать, шел к своему званию и соответствующей должности целенаправленно и бесповоротно. При этом он, умея в нужный момент прогнуться перед начальством, не любил делать лишних телодвижений и напрягался лишь в том случае, если видел перед собой прямую выгоду. А учитывая специфику его работы и статус обвиняемых, уголовные дела, которые возбуждались его подчиненными и которые он непосредственно курировал, заниматься своими прямыми обязанностями становилось не просто выгодно, а очень выгодно.

Кроме того, у Геннадия Яковлевича было много родственников и влиятельных друзей в Ставрополе, через которых он частенько проводил финансовые операции, сам при этом оставаясь как бы не при делах. Неплохие прибыли приносил также бизнес в сфере карьерной лестницы – молодые сотрудники в теперешнее время не гнушаются ничем, чтобы заполучить внеочередную звезду на погоны или более выгодную должность, а Дрозд был заместителем председателя аттестационной комиссии, и решение многих насущных вопросов входило в его компетенцию.

Но вместе с тем Геннадий Яковлевич никогда не забывал об осторожности и перестраховывался в каждой ситуации по максимуму, так как, кроме своего девиза, помнил еще один постулат: ССБ не дремлет!

Дело, которое ему предложил Анатолий – тот самый, которому он звонил после того, как Коренко сообщил о Павлове, – обещало быть самым прибыльным в его бизнесе. Он не знал, кому оно выгодно и кто стоит над всем этим, и знать подобную информацию не хотел, ибо свято соблюдал еще одно правило: «Меньше знаешь, лучше спишь». Геннадий Яковлевич просто четко определил границы своей работы, а лишнего ему не надо. Но и каштаны из огня таскать для дяди Васи он не подвизывался.

Снова зазвонил телефон, и Дрозд, глянув на дисплей, проворчал:

– Легок на помине...

Это снова был Анатолий.

– Ну, как там дела? – спросил он.

– Этот уже здесь.

– Кто, Павлов?

– Ага.

– И где он?

– С Аркашенькой шепчутся.

– Ты оставил их одних? – изумился Анатолий.

– А что мне оставалось делать? Все по закону, – огрызнулся Дрозд, злясь на себя за то, что вынужден оправдываться.

– Слушай, Гена, ты не парься, – примирительно сказал Анатолий. – У тебя папка с материалами перед глазами? Так изучай, вникай в детали. Понятые, ствол и все остальное, а главное – кредит. Никуда он не денется. Ты только не дай ему расслабиться...

– Толя, давай я сам буду принимать решения, – скорчил физиономию Дрозд. – Когда ваш человек вступит в игру?

– Уже вступил. Так что все под контролем.

Они попрощались, и Дрозд, взглянув на часы, решительно поднялся. Хватит ворковать этим голубочкам. И в этот же самый момент зазвучал сигнал вызова из сто седьмого кабинета. Дрозд стал спускаться вниз.

...После разговора с Дроздом Анатолий Блинков некоторое время обдумывал сложившуюся ситуацию. Да, он прекрасно помнил, какую угрозу представлял собой Павлов, – прошлый печальный опыт с рейдерским захватом НИИ «Микроточмаш» никогда не сотрется из его памяти. Но, как говорится, то, что нас не убивает, делает сильнее. И победа Павлова в случае с институтом еще ничего не доказывает. Сейчас совсем иная ситуация, и Блинков был уверен на все 300 процентов, что, каким бы изворотливым виртуозом в области юриспруденции ни был Павлов, здесь его знания и связи бессильны. Слишком мощный механизм задействован в этом мероприятии, и слишком много поставлено на кон, чтобы предоставить адвокату хоть малейший шанс победить в этой схватке.

Анатолий подключился к Интернету, вошел в свой почтовый ящик и набрал в опции «кому» слово «Голд». В разделе «текст сообщения» он напечатал: «В дело вступил адвокат Павлов».

Не прошло и минуты, как ему пришел ответ:

«Это серьезный оппонент?»

Анатолий застучал клавишами:

«Да. Просто ставлю в курс дела. У нас все по плану».

Ответ пришел с такой же молниеносной быстротой:

«Благодарю за информацию. Ты ведь юрист? Вот и побойтесь».

Анатолий криво усмехнулся. Действительно, чего он раньше времени суетится? Голду нужно докладывать конкретные результаты, а не то, как Соловьев нанял какого-то там Павлова...

Неожиданное знакомство

Как ни не хотелось Артему ехать на передачу, но сделать это пришлось, и не только потому, что его просили выступить с обзором правоприменительной практики. Просто он пообещал организаторам этого проекта. А держать слово его научил в свое время еще отец, которого Артем вспоминал всегда с теплотой и благодарностью.

Его синий «Ягуар» ловко проскочил дворами образовавшийся в центре затор, и вскоре он был у входа в здание Интерфакса.

Павлов быстро прошел регистрацию, между делом ознакомившись с составом участников обсуждения темы, в том числе представителей СМИ.

– Господи, а что тут журналисты из кремлевского пула делают? – пробормотал Артем, скользнув взглядом по списку. Он зашагал в конференц-зал.

«Нужно будет отключить звук у телефона», – пронеслась у адвоката мысль, так как ему самому всегда было неприятно, когда на каком-либо официальном мероприятии у кого-то начинал надрываться мобильник и его обладатель принимался судорожно рыскать по карманам-сумкам-борсеткам в его поисках.

Достав телефон, Павлов уже хотел выключить звук, как неожиданно столкнулся с незнакомой девушкой. Та ойкнула, выронив сумочку, у Павлова же упал телефон. Они одновременно извинились и синхронно присели, подбирая свои вещи, но, наклонившись, девушка не удержалась на каблучках и ткнулась лбом в Артема.

– Господи, да что ж такое... Еще раз извините! – воскликнула она, потирая лоб.

– Ничего, вы тут ни при чем, – засмеялся Павлов. – Просто здесь такие полы. А если бы они были мокрыми после уборки, возможно, мы бы уже лежали после первого столкновения.

Девушка внимательно посмотрела на Артема, убирая волосы со лба. Павлов не мог не отметить тонкие черты лица, чувственные губы и глубокие пронизательные глаза, которые притягивали, как магнит.

Он встал, галантно предложив руку девушке.

– Мерси, – проговорила девушка. – Вы, если не ошибаюсь, адвокат Артемий Павлов, не так ли? – спросила она. Артем улыбнулся краем рта.

– Совершенно верно, Полина Шеремецкая.

– Я ведь не представилась вам? – озадаченно протянула Полина, и Павлов взглядом показал на бейджик, прикрепленный к ее кофточке. Девушка опустила голову. – А, ну да... Если честно, терпеть не могу эту «бижутерию» и все время про нее забываю на мероприятиях, – призналась Полина.

Вдруг кто-то сзади крикнул:

– Полина Сергеевна! Уже все давно готово, пожалуйста, мы ждем!

Павлов обернулся и увидел двух молодых людей с видеоаппаратурой.

«Журналистка», – промелькнуло у него. Полина, одарив его на прощание пронизательным взглядом, зацокала каблучками. Артем направился в конференц-зал.

Как он и предполагал, передача не отличалась оригинальностью. И хотя здесь были собраны и парламентарии и руководители надзорных, судебных, а также правоохранительных органов, по мнению Павлова, пользы было бы куда больше, если бы вся эта рать сидела бы в своих креслах и просто качественно и своевременно выполняла свою работу. А надувать щеки и грозным голосом вещать с трибуны: «Сможем углубить и улучшить, главное – начать» – может каждый.

Глядя на выступающих, Павлов неожиданно подумал, что хочет еще раз взглянуть в глаза той девушки, Полины. Он вытянул шею, разглядывая ряд, где расположились представители прессы, и вскоре увидел ее. «Эффектная девушка», – подумалось Артему. А ее манера дер-

жаться и удачно подобранный костюм и вовсе делали ее красоткой – уж во всяком случае, серьезных соперниц здесь у нее не было.

Он уже откровенно скучал, поглядывая на часы. Если бы не данное слово, он давно уже был бы у Шамиля. И встрепенул, лишь когда назвали его имя.

Артем вышел к трибуне и поправил галстук. Его взгляд выхватил из зала лицо Полины. Стараясь не смотреть в сторону журналистки, адвокат начал свой доклад. Он обрисовал ситуацию в российских тюрьмах и лагерных зонах, привел статистику жалоб заключенных и реакцию администраций исправительных учреждений на эти обращения. Проанализировал зарубежный опыт Германии и других европейских стран. Подверг резкой критике как правоохранительную систему в целом, так и привел несколько примеров вопиющего нарушения прав лиц, лишенных свободы.

Закончив выступление, он вопросительно обвел взглядом зал. Потянулись несколько рук желающих задать вопросы, и Павлов обстоятельно ответил на каждый из них. Когда тема, казалось, уже была исчерпана и Артем намеревался покинуть трибуну, неожиданно взметнулась тонкая, изящная женская рука – Полины.

Вопросы посыпались один за другим – хлесткие, обличающие, где-то даже не совсем корректные, и Артем боковым зрением видел, что организаторы форума не очень довольны активностью юной журналистки. Присутствующие в зале, разморенные рутинной заседанием, ожили и прислушивались к словесному поединку мэтра российской юриспруденции и юной журналистки.

Когда вопросы иссякли, лицо Павлова было невозмутимым, как всегда. Полина же, наоборот, выглядела слегка разочарованной, но побежденной, судя по всему, она себя считать не собиралась.

– И последний вопрос, господин Павлов.

Артем легким кивком дал понять – мол, хоть десять.

– Существует расхожее мнение, что закон на стороне каждого, кто имеет хорошего адвоката. Ваше мнение по поводу этого высказывания?

Зал загудел.

«Что она себе позволяет?» – прошипел кто-то возмущенно, но гул мгновенно прекратился, когда Павлов начал говорить.

– Эта фраза имеет продолжение, – сказал он. – Вы не слышали? Чем известнее правозащитник, тем больших мерзавцев он защищает. Да, не удивляйтесь, и такое мнение существует. А ведь испокон веков человек, обвиненный в совершении преступления, – подчеркиваю, только обвиненный, а не виновный, – несмотря на всем известную формулу презумпции невиновности, уже воспринимался обществом как преступник. Это глубочайшая несправедливость и заблуждение, с которыми приходится бороться всем адвокатам. И мне, вашему покорному слуге, тоже.

Он сделал паузу и осмотрел зал. Все притихли.

– История помнит немало примеров того, как люди невиновные, но слабые духом сдавались, брали на себя чудовищные чужие грехи – и погибали. Оклеветанные, оболганные, униженные. Но спустя многие годы справедливость возвращалась, история вносила поправки, и их имена были реабилитированы. Не об этом ли мы так долго шумели в девяностых, на обломках коммунистической империи? Я призываю всех, – он еще раз обвел зал взглядом, – не забывать историю собственной страны, нашего с вами общества, нашу биографию!

Я искренне рад, что сегодня адвокат может свободно выражать свое мнение, вступать в юридическую схватку с оппонентами и даже иногда выигрывать. А ведь нам часто противостоят не прокуратура и следствие, а надуманные обвинения, сфальсифицированные доказательства и заказные уголовные дела. И соблазняют адвоката часто. Подкуп, взятка – не чуждые нам понятия. И не каждый может устоять. Есть среди нас исключительные корыстолюбцы, для

которых важен кошелек клиента, и браться за дело он будет только после тщательного обсуждения своего гонорара. Но есть и другие. Есть такие, которые ночью могут выехать и оказывать первоначальную помощь, ничего не требуя взамен. Есть такие, для которых важен результат. И радость в глазах оправданного клиента – самое лучшее вознаграждение. Это юридический факт – такие юристы еще не перевелись. А по поводу защиты мерзавцев я вам тоже отвечу...

В зале стояла полнейшая тишина. Павлов чуть заметно сдвинул брови.

– Каждый человек рождается глубоко нравственным созданием. Маленький ребенок не может солгать, предать, оклеветать, обокрасть. Но по мере нашего роста и взросления мы учимся не только хорошему. Приспосабливаемся, выживаем. И вот тогда под давлением обстоятельств, из-за плохого воспитания или отсутствия такового, а иногда просто чтобы выжить, люди начинают врать, клеветать, воровать и даже убивать. Я видел многих преступников, которые не осознавали степени своего падения и ужаса совершенного злодеяния, но также мне встречались и искренне раскаявшиеся люди. Особенность моей профессии и мудрость мира состоит в том, что и те, и другие имели право на защиту. Именно это право, дарованное Конституцией, мы, адвокаты, и готовы отстаивать! Всегда и везде! Человеку свойственно как плохое, так и хорошее. Важнее то, как на это смотрит закон. И строгое соблюдение законодательных норм – прямая обязанность настоящего адвоката. Напоследок процитирую древнее изречение правоведов: «Facts, non verba», что переводится как «Дела, а не слова». И это основной девиз адвоката. Спасибо! Благодарю за внимание.

Зал зааплодировал, но Павлов теперь смотрел только на Полину. Раскрасневшаяся, она вызывающе смотрела на него, но было что-то в ее взгляде такое, что заставило сердце Артема вздрогнуть. Наконец девушка подняла свои красивые руки и тоже захлопала.

Конференция была окончена.

Павлов спустился вниз по ступенькам. Темнело. Он достал брелок с сигнализацией и «пикнул» кнопкой. Фары мягко моргнули и погасли, и только он открыл дверь, как сзади раздался голос:

– Вы не обиделись на меня?

Павлов обернулся. Полина стояла в нескольких шагах от него и смотрела в упор, но даже с этого расстояния он видел, что девушка внутренне напряжена и, как ни странно, в ее позе чувствовалась некая робость.

– Это ваша работа – задавать неудобные вопросы, – рассудительно сказал адвокат. – Кстати, я вас видел уже однажды. Несколько недель назад вы вели прямой репортаж из Кремля. Вы ведь представительница кремлевского пула?

Полина улыбнулась.

– У вас очень хорошая память.

– Работа обязывает, – ответил Артем. Он почувствовал, что голос его прозвучал несколько сухо, и предложил: – Если хотите, я подвезу вас.

– Благодарю, Артемий Андреевич...

– Можно Артем.

– Хорошо. У меня своя машина, так что не стоит беспокоиться.

– Тогда всего доброго. Было приятно познакомиться.

Он сел в автомобиль, завел двигатель. Мотор послушно заурчал, и в это мгновение в окно просунулась изящная ручка; тонкие пальцы с безупречным маникюром держали визитку:

– Буду рада помочь. Если, конечно, это в моих силах для адвоката такой величины, как вы.

Павлов улыбнулся.

– Спасибо. Берегите себя.

Тактика давления

Вечером Соловьева снова привели к Дрозду.

– Сейчас вас отвезут в СИЗО, – объявил он, подписывая какие-то бумаги. – Но прежде всего я хотел кое-что вам сказать.

Аркадий Алексеевич шмыгнул носом. Несмотря на эту новость, настроение у него все равно было приподнятое, и все благодаря Павлову. Поистине, это адвокат от бога, и он умел вселить в человека уверенность в себе, а главное – надежду, и банкир уже грезил, что не сегодня завтра он покинет эти ненавистные стены.

– Еще один допрос? – спросил он. – Я себя неважно чувствую. И если вы хотите сейчас проводить какие-то следственные действия, то я официально заявляю, что буду давать показания в присутствии моего защитника, в данном случае адвоката Павлова.

– Нет, это не допрос, никто ничего протоколировать не собирается. И прослушки здесь тоже нет, можете поверить. Просто пару вопросов.

Расценив молчание Соловьева как знак согласия, Дрозд вкрадчиво спросил:

– Вы знакомы с Ракитиным? Я говорю о банкире, который повесился.

«Интересно, он действительно повесился или его повесили?» – внезапно подумал Соловьев, вслух же он сказал:

– Знаком. Но не более того, мы не были друзьями.

– Вы знали, что его банк получил крупный кредит по государственной программе?

Соловьев кивнул, пока не понимая, к чему клонит следователь.

– Наверное, вы в курсе, что деньги исчезли. Это так смаковали СМИ... Ваш банк тоже участвует в программе по оздоровлению экономики?

Соловьев снова был вынужден кивнуть, ловя себя на мысли, что его самого в былые времена на специальных тренингах обучали вести беседу с клиентами таким образом, чтобы твой собеседник волей-неволей на каждый вопрос отвечал утвердительно, что в конечном итоге приводило к достижению поставленной цели и согласию на все твои условия. Получалось, что в данном случае в роли клиента выступал он сам.

– Ракитина допрашивали накануне смерти, – сказал Дрозд. Он обошел сидящего на стуле Соловьева и остановился позади него. Склонившись над банкиром, произнес: – И он показал, что идеей получить кредит от государства и впоследствии захватить казенные денежки поделился с ним... кто бы вы думали, господин Соловьев?

– Не имею ни малейшего понятия.

– Вы, любезный Аркадий Алексеевич.

Соловьев подскочил на месте, словно в стуле было шило и он только сейчас это обнаружил.

– Это ложь! – выкрикнул он. – Я... Я этого Ракитина и видел-то всего два или три раза в жизни!

– У вас в ежедневнике найдены записи, свидетельствующие о намерении встретиться с ним, – хладнокровно продолжал Дрозд. Он снова заходил взад-вперед. – В вашем телефоне найдены его контакты. У вас на столе его визитка. И ваши сотрудники показали, что он приезжал к вам в банк. И после этого вы будете утверждать, что видели его два раза?

– Кто показал? – хрипло спросил Соловьев. – Какая еще визитка... Вы сами мне ее подбросили! Ракитин никогда... Никогда не приезжал ко мне!

– Вас арестовали по той причине, что вы практически идете по стопам вашего коллеги, который, не выдержав тяжести вины и ответственности за содеянное, пошел на самоубийство. Вдобавок еще пистолет, обнаруженный в вашем сейфе. Еще неизвестно, в кого из него стреляли, но экспертиза все расставит по местам.

– Это не мой пистолет, и вы знаете об этом, – угрюмо проговорил Аркадий Алексеевич.

– Следствие покажет... Кстати, коммерческая фирма «Зигзаг» вам ни о чем не говорит?

Соловьев безмолвно смотрел на следователя. Он уже ненавидел этого проклятого Дрозда, и если бы мысли могли убивать, то этот тучный мужчина в темно-синем форменном костюме давно валялся бы бездыханным, а его кожа постепенно приобретала бы цвет его кителя.

– Нет, – сказал он после паузы. – Что-то не припомню.

– Опять странно. Ведь именно этой организации, специализирующейся на поставках спортивного инвентаря, ваш банк дал весьма крупную ссуду. И причем под минимальные проценты. Вы проверяли вообще эту контору? Или ваша служба безопасности способна только на то, чтобы кроссворды разгадывать?

– Что вы от меня хотите? – устало спросил банкир.

– Не прикидывайтесь. С другими клиентами вы по-другому церемонитесь. ОАО «Зигзаг» – не что иное, как прикрытие для криминальной деятельности. Торговли оружием, в частности. Отсюда и объяснение источника происхождения пистолета, обнаруженного в вашем сейфе. Кстати, один из задержанных этой группировки на допросах хвастался знакомством с вашим банком и грозил, что, мол, бабла хватит, чтобы вас, то есть нас, тут всех купить. Но ладно оружие... По оперативным данным, прибыль, получаемая этой фирмой, шла на финансирование подготовительной деятельности террористов-смертников на Северном Кавказе.

Соловьеву показалось, что он ослышался.

– Что? Вы что, издеваетесь?!

– Нет, это я так шучу, – хмыкнул Дрозд. – Так что это куда как посерьезней будет, нежели ваши несоответствия типа дебет-кредит, поддельные векселя и тому подобное. Это подследственность ФСБ, и, когда тому будет документальное подтверждение, за вами придут крепкие ребята и все материалы я передам им. А уж с ними я бы шутить не советовал. За такие делишки как минимум «пожизненное» светит, Аркадий Алексеевич.

Соловьеву начало казаться, что он сходит с ума. Он наконец-то вспомнил, что ОАО «Зигзаг» действительно обращалось в «Сатурн» с просьбой выделить кредит, но при чем тут оружие, елки-палки? Да еще терроризм?!

– Подумайте хорошо над тем, что я сказал. – Дрозд подошел к столу и нажал кнопку вызова конвоя. – Завтра мы с вами снова встретимся. У вас будет целая ночь, чтобы вспомнить все.

Богачев

«...Помимо всего прочего, обвиняется в хранении огнестрельного оружия. Органы предварительного следствия не исключают, что между пистолетом, найденным при обыске в сейфе Соловьева А.А., генерального директора банка «Сатурн», и деятельностью преступной группировки, маскировавшейся под обыкновенную коммерческую фирму, торгующую спортивным товаром, есть прямая связь. Кроме того, по версии следователей, Соловьев причастен еще к одному уголовному делу, связанному с хищением государственного целевого кредита. Напомним, что в свое время за это был арестован генеральный директор банка Ракитин Вячеслав Иванович, который буквально на днях покончил жизнь самоубийством. Именно банк Ракитина должен был осуществлять распределение государственных средств. В настоящее время местонахождение этих средств устанавливается следствием. Сейчас стало известно, что банк «Сатурн», который до некоторых пор возглавлял Соловьев, также принял участие в государственной кампании по оздоровлению российской экономики. В банке проводятся проверки, изымается документация, а также решается вопрос об отзыве лицензии...»

Лицо симпатичной дикторши исчезло, сменившись на очередной, до невозможности надоедливый рекламный ролик, и Игорь Петрович Богачев выключил телевизор. Крупное, волевое лицо мужчины выражало крайнюю степень недовольства.

Он встал с дивана и направился в детскую. Там вовсю возилась вся его орава – Миша, Дима, Оля, Степа и Марина. Двойняшки Миша и Оля – свои, остальных он усыновил, причем не для престижа, а именно по зову сердца. И кстати, эта процедура далась ему нелегко, даже несмотря на его социальное положение. Игорь Петрович Богачев уже третий год занимал должность заместителя министра торговли и финансов, одновременно являясь председателем правительственной комиссии по оздоровлению российской экономики. Той самой, которая занималась распределением целевых бюджетных средств, предназначенных в помощь отечественному бизнесу.

– Как у нас дела? – спросил он громко, так как в комнате стоял невообразимый шум – мальчишки с увлечением строили железную дорогу, а девочки наряжали кукол и хвастались, у кого она красивее.

– Пап, а правда, что поезд может 200 километров в час ездить? – крикнул раскрасневшийся от игры Дима. – А то Мишка не верит!

– Может, – подтвердил Богачев. – Даже еще быстрее может. Например, современный поезд «Сапсан» развивает 300 километров в час.

– Пап, а у кого красивее получилось? – кинулась ему на руки Оля, чуть ли не тыча ему в нос наряженной куклой.

– Моя, моя лучше, – залепетала Марина, которая была младше сводной сестры на два года.

– Они у вас такие разные... Вот у этой шляпка очень интересная, а у твоей, Оленька, платье просто великолепное. Они очень разные и обе красивые, ваши куклы. И вы у меня самые лучшие.

Он с любовью сграбастал визжащую малышку и прижал к себе. Ему нравилось играть с детьми, и он в любую свободную минуту с удовольствием возился с ними, не делая никакой разницы между родными и приемными. Игорь Петрович был одинаково строг и с теми, и с другими. И подарки они получали такие же. Ребятыня не оставалась в долгу и в буквальном смысле этого слова боготворила отца. Пацаны, затаив дыхание, слушали его истории про рыцарей и разбойников, а с девочками Игорь Петрович устраивал импровизированные обеды, играл с ними в больницу и школу, и те по очереди висли на нем, споря между собой, кто из них больше любит папу.

Вдоволь наигравшись с детьми, Богачев прошел в свой кабинет и сел за компьютер. Он открыл интернет-браузер и стал просматривать новости, связанные с недавно увиденным сюжетом про Соловьева. Нет, конечно, у него были свои надежные источники информации, но сейчас его интересовали блоги на эту тему и отклики общественности на происшедшее. Сам он при этом прекрасно отдавал себе отчет в том, что то, что произошло, – это ЧП в его подконтрольной вотчине и камень непосредственно в его огород. Он тщательно следил за отбором банковских организаций, участвующих в их национальной программе, поскольку речь шла о нешуточных суммах.

То, что «закрыли» Соловьева, – совершенно правильно и даже не подвергается сомнению, хотя в последнее время в России усиливались тенденции к гуманизации наказаний за преступления экономического характера. Вместе с тем в глазах общественности каждый подобный случай воспринимался как вызов лично Богачеву.

Кстати, интересно, почему в сюжете ничего не сообщили, что сделал с государственными деньгами этот Соловьев? Или они еще не поступили на счет банка?

Никто не знал, что Богачев – не настоящая его фамилия. Даже жена. В молодости, после службы на флоте, он получил условный срок и быстро понял, что это перечеркнет его амбициозные, далеко идущие жизненные планы. Тем более уже тогда у него проявились незаурядные способности управленца и редкая беспринципность, выражавшаяся в способности без оглядки ради собственной выгоды прошагать по головам.

Уже в ранние годы у Богачева замаячил серьезный карьерный рост. Тот, кто его хорошо знал, не сомневался, что этот парень далеко пойдет. И вдруг такое черное пятно на чистом вроде бы листе биографии.

Помог случай. Трагически погиб – попал в автокатастрофу – его старый друг. Отец, страшно переживавший за сына, на преминул воспользоваться ситуацией. Подняв старые связи, он выправил сыну новые документы на имя погибшего друга. И ни одна живая душа об этом в их маленьком городке через несколько лет уже не помнила. А вскоре новоиспеченный Богачев покинул родные края. На новом месте он сделал головокружительную карьеру. У него рано проснулся талант чиновного человека.

– Игорь, обед стынет, – заглянула в кабинет Мария.

– Уже, – ответил Игорь Петрович, ласково посмотрев на жену.

Та ответила ему улыбкой. Несмотря на то что они уже далеко не юноша и девушка, отношения между ними сохранялись трепетные и нежные, словно они только вчера познакомились, и Богачев очень дорожил этим. Он выключил компьютер и пошел в столовую.

Суд

Время бежало, как всегда, неумолимо быстро, и сорок восемь часов, отведенных следствию на сбор доказательств вины Соловьева, истекали в полдень. Павлов с самого утра носился как белка в колесе – запросил справку о состоянии здоровья Аркадия Алексеевича в районной поликлинике, где тот наблюдался, встретился с женой банкира и напоследок успел побеседовать с Валеевым – тот сейчас исполнял обязанности гендиректора банка «Сатурн».

Последний, как человек, произвел на него не слишком приятное впечатление, хотя Павлов в своей деятельности всегда старался на корню пресекать в себе личные эмоции, руководствуясь исключительно фактами и буквой закона.

С одной стороны, Валеев выражал сочувствие своему арестованному шефу и бил себя в грудь кулаком, клятвенно заверяя Павлова, что готов идти до последнего, чтобы вызволить Соловьева. С другой стороны, как раз такая активность и настораживала Артема, поскольку выдавала нечто показушно-фальшивое. И разговор с ним был самым бестолковым и бесполезным. Из всего Павлов понял только одно: Валеев в «Сатурне» недавно, и Соловьев не посвящал его в свои дела, касающиеся госкредита. Единственное, он показал Артему копию заседания кредитного комитета банка, где был согласован получатель кредита ОАО «ОПК «ЛУЧ». Других документов, как пояснил он, нет.

– Вы же сами знаете, тут обыск был, сейчас здесь такой бардак, – пожаловался он.

В суд Павлов приехал почти за две минуты до начала заседания. В коридоре он встретил представителя прокуратуры, который должен был выступить в роли государственного обвинителя, и самого Дрозда. Последний как ни в чем не бывало поздоровался с Павловым, протянув ему руку. Артем руку пожал, про себя отметив, что, несмотря на силу рукопожатия, ощущения у него остались сродни тому, будто он сжимал размороженное куриное бедро.

– Отойдите в сторону, – послышался за спиной мрачный голос, и все посторонились. Мимо прошествовали двое конвойных, ведущих под руки Соловьева. Заметив Павлова, он выдавил жалкую улыбку; адвокат подбадривающе помахал ему рукой.

Судебный пристав открыл дверь, и все участники процесса прошли внутрь.

Судья, Малинина Тамара Николаевна, сухошавая женщина в неуклюжих очках, обвела присутствующих суровым взглядом. Она быстро зачитала фабулу уголовного дела, после чего огласила ходатайство следствия о продлении срока содержания под стражей Соловьева еще на два месяца. После ее слов лицо банкира, находившегося за решеткой, приобрело зеленоватый оттенок. После этого поднялся обвинитель и, откашлявшись, скороговоркой перечислил основные причины, по которым генерального директора банка «Сатурн» необходимо и дальше держать в изоляции от общества.

– ...Обращаю внимание суда на то, что обвиняемый имел тесные связи с представителями преступной группировки, которая в настоящее время находится в оперативной разработке. Как следует из заключения экспертизы обнаруженного у Соловьева пистолета марки «ПМ», это оружие считалось похищенным в 2008 году при нападении на оружейный склад воинской части № 36164, расположенной в Егорьевском районе Московской области.

Обвинитель наклонился к бумажке ближе, словно далее текст был неразборчивым.

– Помимо этого, Соловьеву А.А. инкриминируется покушение на присвоение государственного целевого кредита, – снова забубнил он, не отрываясь от бумажки.

Аркадий Алексеевич вздрогнул, как от пощечины, и расширенными глазами посмотрел на Павлова. Лицо у адвоката было бесстрастным, словно высеченным из гранита.

– ...не установленным следствием способом... в размере семидесяти двух миллиардов рублей...

– Этого не может быть! – крикнул, не выдержав, Аркадий Алексеевич. Он вцепился в клетку и с остервенением затряс ее. – Что вы мелете?! Деньги поступили на счет банка, а потом были переведены на фирму-получатель! Если только вы сами не сперли их! Вы... Вы...

– Обвиняемый, делаю вам предупреждение! – оборвала его судья. – Вам будет предоставлено слово. – Прокурор, продолжайте.

– ...может повлиять на ход предварительного расследования, а также скрыться... на основании изложенного... приходит к выводу о необходимости продлить срок содержания под стражей...

Обвинитель закончил речь и, с победным видом взглянув на Павлова, уселся на место.

– Защита? – вопросительно посмотрела на Артема судья. Адвокат выпрямился.

– Ваша честь, позвольте начать с поддельных документов, якобы обнаруженных при обыске. Я имею в виду поддельные векселя и кредитные карты. По версии следствия, все это было обнаружено в кабинете Соловьева. В том числе и пистолет, но к нему я вернусь позже. Как вам известно, несколько дней назад банк «Сатурн» подвергся аудиторской проверке, и, как утверждает обвинитель, ее результаты легли в основу обвинения по ряду статей, которые инкриминируются моему подзащитному. Но судите сами. Неужели человек, находящийся в здравом уме, зная, что его ожидает подобная проверка, будет хранить у себя на рабочем месте такой мощный компромат? Более того, какую пользу может принести все это Соловьеву? Он что, торговал этими картами? Ведь никто из сотрудников банка не смог ничего пояснить по данному поводу! Что касается пистолета, то и здесь много неясностей. По логике следователя, Соловьев, оказывая финансовое покровительство ОАО «Зигзаг», которое на самом деле оказалось ОПГ, получил в знак признательности от их представителей пистолет? Который числился похищенным из воинской части три года назад?

Павлов перевел дух.

– Доказательства связи моего подзащитного с Ракитиным выглядят неубедительно. Ракитин дает показания против Соловьева, а через два дня его находят мертвым в камере. Почему Соловьева не допросили сразу после того, как Ракитин признался, что идея присвоить государственный кредит принадлежит ему? Почему все вопросы к моему подзащитному возникли только после смерти Ракитина? С мертвого спрос меньше, и теперь сослаться можно на что угодно...

Теперь о целевом кредите. На момент задержания следствием было установлено, что деньги, выделенные госпрограммой, уже были на счету «Сатурна». В этот же день Соловьева задерживают, а несколькими часами позже мною было внесено ходатайство об аресте денежных средств в части, выделенной федеральным бюджетом.

Он посмотрел на Дрозда, но тот нахально улыбнулся, при этом демонстративно зевнув.

– Для этого не обязательно было готовить ходатайство, – проворчала Малинина, что-то черкая на листке. – Это обязанность следствия, тем более по экономическим преступлениям. Следователь присутствует?

– Да, ваша честь, – выпрямился по струнке Дрозд. Он вытащил из своей пухлой папки какой-то лист. – Постановление о наложении ареста санкционировано судом 25 мая. До настоящего времени официального ответа из Центробанка России нет. Предварительно стало известно, что движение денежных средств со счета на счет может занять неопределенное время. Мы связывались с получателем кредита...

– И что же? – спросила судья.

– ОАО «ОПК «ЛУЧ» заявляет, что денег на счет не поступало, – членораздельно проговорил Дрозд, будто его могли не расслышать. – Таким образом, деньги просто зависли в воздухе.

– Ваши домыслы оставьте при себе, уважаемый, – заметила Тамара Николаевна, и Геннадий Яковлевич сел на место. На его лице на мгновение мелькнуло озлобленное выражение, которое тут же исчезло, как туча, сдуваемая ветром.

– Но послушайте, – снова попытался вмешаться Соловьев, однако судья снова сделала ему предупреждение.

– Ваша честь, разрешите вопрос? – поднял руку Павлов. – Тот факт, что деньги еще не поступили на счет получателя кредита, не говорит об умысле Соловьева. Держать человека под стражей лишь потому, что операция по переводу семидесяти двух миллиардов рублей может занять какое-то время, как вы сами понимаете, уже само по себе как минимум самоуправство.

Он посмотрел на Дрозда, но тот и бровью не повел.

– Более того, прошу суд учесть тот факт, что денежные средства исчезли из банка в тот период, когда мой подзащитный уже находился под стражей.

Судья скучающим голосом поинтересовалась:

– У защиты есть еще возражения по поводу рассматриваемого вопроса?

– Да, ваша честь. Невзирая на тяжесть предъявленных обвинений, большинство преступлений носит экономический характер и предусматривает иные меры пресечения, нежели в виде лишения свободы. Мнение защиты о найденном пистолете однозначно – пистолет Соловьеву подбросили. Кроме того, Соловьев – уважаемый человек, ранее никогда не привлекавшийся к уголовной ответственности. Он гражданин России, имеет постоянное место жительства в Москве, воспитывает двоих детей, один из которых малолетний. Необходимо упомянуть и о состоянии здоровья моего подзащитного, – с этими словами Павлов через судебного пристава передал судье справку. – Нахождение под стражей создает прямую угрозу его жизни.

Закончив перечислять доводы, Павлов резюмировал:

– Я прошу применить к моему подзащитному меру пресечения, не связанную с лишением свободы, в частности, отпустить его под подписку о невыезде.

Дрозд почесал ухо и уставился в окно, всем своим видом демонстрируя полное пренебрежение к выступлению адвоката.

– Суд удаляется на совещание, – сказала судья и встала из-за стола.

Артем сел на место. На душе было мутно, словно его вывозили в грязь. Он понимал, что за сорок восемь часов он и так много сделал, но то, что произошло сейчас, не укладывалось ни в какие рамки, и часть вины он видел в себе. Он был почти уверен, что Соловьева не выпустят. И ему было безумно жаль Евгению, жену Аркадия Алексеевича, которая, закусив губу, неподвижно сидела, сцепив перед собой руки.

Так и вышло. Малинина, выйдя из совещательной комнаты, отрывисто бросила:

– Суд учел представленные следствием доказательства и возражения защиты. Эти возражения не смогли опровергнуть выводы обвинения. Судом также принята во внимание степень общественной опасности тех преступлений, в которых обвиняется Соловьев А.А. Принимая во внимание характер преступных деяний, инкриминируемых Соловьеву Аркадию Алексеевичу, суд постановил...

Аркадий Алексеевич замер, костяшки его пальцев, мертвой хваткой вцепившихся в решетку клетки, стали белыми от напряжения.

– ...меру пресечения в виде содержания под стражей оставить прежней и продлить срок содержания под стражей до двух месяцев, то есть до 24 июля 2011 года...

Банкир обмяк и почти свалился на скамью. Его лицо тоже обмякло, словно из него вынули кости, и он лишь бессмысленно вращал зрачками.

– Заседание окончено. Конвой, уведите обвиняемого.

Дрозд с нескрываемым ехидством смотрел на Павлова. Тот, поймав взгляд следователя, тоже одарил его обезоруживающей улыбкой. Геннадий Яковлевич перестал скалиться и, быстро собрав документы, покинул зал.

– Артем, что же теперь будет? – едва сдерживая слезы, спросила Евгения, когда ее мужа увели.

– Ничего, Евгения. Бывает и такое, – сказал Артем. Этот неудачный раунд только еще больше его раззадорил, и он чувствовал, что у него открылось второе дыхание. – Проигранный бой не означает проигранное сражение.

Сослуживцы

Дрозд вернулся в кабинет в прекрасном расположении духа. Он верил, что собранных доказательств будет достаточно для того, чтобы этот жирный индюк Соловьев остался на нарах, но... Не понаслышке зная о репутации Павлова, он до последнего ожидал от него какого-нибудь замысловатого юридического финта. Ан нет, не вышло. Знай, адвокатишка, свое место.

Впрочем, расслабляться было рано – такие, как этот Павлов, быстро не сдаются, если вообще сдаются, в смысле, добровольно. Но в настоящий момент ситуация складывается так, что все козыри у него, а Артемию Павлову, мэтру российской юриспруденции, карта явно не шла.

Дрозд тут же позвонил Блинкову и сообщил, как прошел судебный процесс. Тот сдержанно похвалил следователя и сказал, что доведет эту информацию до заказчика.

«Бойтся сглазить», – подумал Геннадий Яковлевич, когда разговор был окончен. Собственно, сколько он знал Блинкова, таким он был всегда.

Дрозд щелкнул в воздухе пальцами. Пока все шло, как и было задумано.

...Сразу после этой беседы Блинков вышел на связь с Голдом.

«Соловьеву продлили каникулы на два месяца. Все под контролем», – написал он письмо. Несколько минут Анатолий ждал ответа – на мониторе мерцал зеленый значок, свидетельствовавший, что Голд находился в сети, но так ничего и не дождался. Ну и хорошо.

Он давно знал Голда. Но если бы ему тогда, двадцать с лишним лет назад, сказали, где и при каких обстоятельствах он снова встретится с этим человеком, Блинков расхохотался бы этому фантазеру в лицо и повертел бы у виска пальцем. Однако судьба распорядилась иначе...

Они были совершенно разные, когда встретились на флоте. Блинков – почти дембель, снисходительно-неторопливый, уже вкусивший морской соли и знавший, что такое служба на море. Голд тогда еще был нескладным юнцом с пробивавшимся пушком над верхней губой. Но, несмотря на кажущуюся простоту и наивность, было в нем что-то необычное, выделявшее из серой массы остальных парней-новобранцев. И Блинков очень быстро убедился в этом. Прежде всего старослужащего поразила талант Голда схватывать все на лету, его умение молниеносно обрабатывать информацию, вычленивая необходимое и отсекая лишнее, а также способность использовать эту информацию в нужном месте и в нужное время.

А вот в физическом плане Голд был слабоват. В первые дни службы «деды» устроили ему своеобразную проверку, которую проходили все салаги. Голд отказался выполнять требования старослужащих, за что был избит, хотя и пытался оказать сопротивление. Но куда ему, щенку, против двух шкафообразных дембелей? Однако даже при избиении он не стонал, не кричал, а переносил боль молча, стиснув зубы. Блинков кое-чему научил его, и Голд с вежливой холодностью принял помощь: мол, товарищ, благодарю вас, конечно, но это лишнее, можно было и не напрягаться.

Впоследствии эти двое, принимавшие участие в «преподнесении урока» Голду, в разное время были подставлены перед командованием, причем таким филигранным образом, что в их пользу не сыграл даже факт приближающегося дембеля, а один из них загремел на гауптвахту.

Все догадывались, чьих рук это было дело, но Голд шел к цели спокойно, расчетливо, никуда не торопясь. Месть, как известно, блюдо, которое следует подавать холодным, и он с этим справился блестяще. С тех пор Блинков открыл в нем новое качество – злопамятность. Голд никогда и никому ничего не прощал; у него в черепной коробке словно размещался миллион ячеек, в каждой из которых хранилась, как в файлах супермощного компьютера, информация – кто, что, когда и где против него замыслил.

Он внимательно слушал Блинкова, когда тот давал ему дельные советы, и никогда не перебивал, и Блинков знал, что такой парень, как Голд, далеко пойдет.

Выйдя на гражданку, Анатолий пошел учиться на юриста. Что было с Голдом, он не знал, но интуиция подсказывала будущему правоведа, что вряд ли этот худой паренек будет связывать свою жизнь и судьбу с морем да и со службой Отечеству вообще. Нет. Люди с такой хваткой, как у Голда, идут далеко и всегда добиваются поставленной цели. Причем характер средств, используемых при этом, не имел для Голда ровным счетом никакого значения. При этом Блинков выявил для себя еще одну черту своего армейского протеже – при необходимости этот худенький юноша с холодным взглядом и бесстрастным выражением лица пойдет по трупам. В прямом смысле слова.

Судьба снова свела их через несколько лет. Голд уже не был тем сублильным паренком, он раздался в плечах, окреп. Все тот же колющий, недоверчивый взгляд, словно прощупывающий собеседника, наподобие сканера. К тому времени он вплотную занялся политикой, и скорость его карьерного роста поражала – Голд в прямом смысле карабкался вверх по телам своих конкурентов, цепляясь за них зубами и ногтями.

Блинков тогда уже успел разочароваться в своих скромных профессиональных достижениях и искал чего-то нового. Нет, он не жалел о сделанном выборе стать юристом. Но на тот момент Анатолий четко усвоил, что честным способом заработать много денег в России практически невозможно.

Он был хорошим юристом, Голд – грамотным чиновником, обладавшим серьезным административным ресурсом. Отсюда и начался их новый совместный бизнес, суливший неплохие барыши.

Лед тронулся

Павлов вышел на улицу, обдумывая план дальнейших действий. Он не особенно расстроился провалом в суде – это не было свойственно его стилю, в его практике случалось и не такое. Да и вообще, неудачи как раз и нужны для дальнейшего подъема. Возможно, на месте судьи он поступил бы точно так же и оставил Соловьева под стражей. Вот только Аркадию Алексеевичу от этого, откровенно говоря, не легче.

Он набрал номер своего помощника Ивана.

– Слушаю, Артемий Андреевич! – отозвался парень.

– Ваня, нужна твоя помощь. Про «Трест-Банк» слышал?

– Ну-у, – протянул Ваня. – Там вроде проверки какие-то были. И гендиректора, если не ошибаюсь, арестовали.

– Именно, Вячеслава Ракитина. Кстати, он мертв. Мне нужно срочно найти нашего коллегу, который его защищал. Заодно съезди в банк, поговори с сотрудниками, узнай, где найти его родственников. И прошу, пооперативней.

– Сделаю все, что в моих силах, – пообещал помощник.

После этого Артем набрал номер Саффинова.

– Шамиль? Здравствуй еще раз. Не отрываю? Послушай, окажи содействие. Есть такая фирма – ОАО «Зигзаг». Пробей по своим каналам, кто учредитель, в общем, все, что есть интересного.

– А что с ней? Хотя в двух словах, – любопытствовал Шамиль.

– Да ходят упорные слухи, что эта контора де-юре спортивным инвентарем занимается, а де-факто подрывников на Кавказе готовит. Причем на деньги моего клиента, банкира.

– Ой ли? – не поверил Шамиль. – Знаешь, думаю, если бы это было так, то, наверное, я бы давно прослышал. У меня на Лубянке много знакомых, я постоянно с мужиками в контакте.

– И все равно, сделаешь? Прости, что наглею, но ты меня знаешь, по ерунде не стал бы напрягать.

– Не вопрос, Тема. Как сам?

– Как обычно, – усмехнулся Павлов. – Занят, как однорукий расклейщик объявлений.

– Ладно, я позвоню.

Павлов сел в машину и, достав блокнот, стал рисовать какие-то замысловатые, только ему понятные схемы.

«Итак, задача № 1 – вытащить Соловьева. Чем дольше он будет находиться под стражей, тем меньше вероятность, что деньги отыщутся», – размышлял Артем.

«А вдруг это все подстава?» – неожиданно заговорил в нем внутренний голос. Павлов даже как-то весь подобрался, словно пружина. Действительно, уж как-то все слишком легко получается... Может, пистолет-то Соловьеву и подбросили, но что с кредитом? И неважно, что деньги пропали, пока Аркадий Алексеевич кормил клопов на шконке, – у него мог быть сообщник. Семьдесят два миллиарда – это вам, товарищи, не фунт изюму. Тут любой согласится посидеть на тюремной баланде, а там, глядишь, Павлов и придумает что-то, и вытащит в итоге...

Однако Артем вскоре отбросил эту мысль. Он знал Соловьева, а кроме того, пока все факты свидетельствовали о том, что банкир кому-то очень мешает.

Во-вторых, кредит. Куда подевались деньги? Никто ведь не пришел с автоматом и не забрал эти злосчастные семьдесят два миллиарда. Ситуацию осложняло то, что, по сути, исчезли не сами деньги, а запись с корреспондентского счета «Сатурна» – деньги-то виртуальные. Оставалась надежда, что эта компания «ЛУЧ» все же получит деньги, но почему-то Павлову слабо в это верилось.

Артем открыл свою визитницу и, полистав, наконец нашел нужную карточку – сотрудника Центробанка России, которому в свое время оказал юридическую поддержку при наследственном споре. Он набрал указанный на визитке номер и, договорившись о встрече, повернул ключ зажигания.

Выезжая на проезжую часть, адвокат вдруг заметил, как справа задним ходом движется белоснежная «Тойота Камри», причем водитель явно не замечал намеревающегося совершить маневр Павлова, который в этот момент пропускал проносящиеся мимо машины. Артем посигналил и, видя, что японская иномарка сейчас врежется в него, в самую последнюю секунду сдал назад. И опешил, с удивлением узнав в машине... Полину. Девушка чуть ли не наполовину высунулась из автомобиля, глядя, что творится позади, вероятно, напрочь забыв о существовании зеркал. Она обратила внимание на машину Артема в тот момент, когда столкновение, казалось, было неизбежным. Журналистка тоже узнала Павлова и, улыбнувшись как ни в чем не бывало, помахала ему рукой.

– Это, наверное, судьба, – пробормотал Артем. На конференции они столкнулись лбами, сейчас же чуть машины не покалечили. Что дальше?

– Что вы тут делаете? – весело спросила Полина. Казалось, она была искренне рада видеть адвоката в такой неформальной обстановке.

– Еду на машине, – ответил Павлов. – То есть собирался ехать. А вы?

– А я тоже еду на машине, – в тон адвокату серьезно ответила девушка, и Павлов едва не рассмеялся. – Только вот поворот пропустила, а тут вы, – беспечным голосом произнесла журналистка и поправила прическу.

«А она действительно хорошенькая», – промелькнула у Павлова мысль.

– Я сегодня пыталась разыскать вас, – вдруг сказала Полина. – В вашей коллегии сказали, что вы постоянно в разъездах, но телефонного номера не оставили, хоть я и представилась.

– Что-то случилось? – спросил Артем.

Сзади отчаянно засигналили – они загораживали проезд.

– Позвоните мне, как освободитесь, – сказала Полина. – Хорошо?

– Позвоню, – кивнул Павлов. – И будьте аккуратнее на дорогах.

«Интересно, зачем она звонила?» – подумал Артем, провожая взглядом в зеркало автомобиль Полины. О причинах он мог только догадываться, но почему-то больше склонялся к версии о том, что эту молодую эффектную журналистку интересовало что угодно, но только не его профессиональная деятельность.

Он снова вернулся мыслями к этой запутанной истории с банком. В его практике был случай подставы банка. Схема примерно такова. Через проплаченные СМИ запускалась «утка», что в отношении гендиректора возбуждено уголовное дело, проверки выявили массу грубейших нарушений, банк на грани дефолта и если сейчас в срочном порядке не забрать свои «кровные», то потом будет поздно – что взять с банкрота? Арендованный офис и пару устаревших компьютеров? Причем информация распространялась среди клиентов банка по электронной почте от имени самого банка, руководство которого ничего не подозревало.

Народ, повинаясь стадному инстинкту, естественно, ломится в банк, сметая все на своем пути, и инкассаторы по несколько раз на дню, ругаясь на чем свет стоит, подвозят и подвозят деньги. Бедный гендиректор до хрипоты орет, что никаких проверок не было и в помине, но наш необыкновенный народ, наученный горьким и бесценным опытом, пропускает эти стенания мимо ушей и снисходительно качает головой: «Нет уж, дорогие мои, не верим мы вам!» – и методично опустошает банкоматы.

Валерий Зыкин, консультант по расчетно-кассовым операциям Центробанка, встретил Павлова у входа в здание. Они поздоровались, и Артем вкратце изложил суть проблемы.

– Если я правильно понимаю, отследить перемещение денежных средств со счета на счет не так уж сложно? – задал он вопрос Валерию. – Ведь ваша структура контролирует подобные операции.

– Так-то оно так, – проговорил Валерий. – Если деньги перекинули на корреспондентский счет, тогда нет проблем. Но их могли перевести на личный счет, и притом не один раз. Это как продажа левой квартиры – с каждой следующей продажей доказать что-либо будет все сложнее. Но, в принципе, реально.

– А под финал – добросовестный приобретатель, – закончил вместо Зыкина Артем. – Я могу попросить тебя об одолжении?

Валерий кивнул.

– Я попрошу ребят посмекалистее, – сказал он. – Только мне нужны исходные данные нужного тебе банка. У тебя есть листок? Я напишу, какие сведения мне необходимы.

Павлов протянул Зыкину блокнот с ручкой, и тот начал писать.

Валеев

Несмотря на все неурядицы, в банке «Сатурн» продолжалась текущая работа. Открытие и закрытие вкладов, денежные переводы, выдача кредитов, обмен валюты и так далее. Однако атмосфера тревожного ожидания ощущалась на каждом квадратном миллиметре помещений банка, и у каждого сотрудника в голове вертелась одна и та же мысль: «Что же будет дальше?» Так, кассир уже хотела уволиться от греха подальше, но Сергей Валеев, заместитель Соловьева, намекнул перепуганной женщине, что, конечно, уволить он ее может безо всяких проблем, но в свете последних событий ее поспешное увольнение будет выглядеть в глазах правоохранительных органов как знак, что кое у кого рыльце в пушку. Женщина забрала заявление.

А в два часа Валеев собрал совещание. Заместитель обвел взглядом собравшихся. Лица у всех напряженно-подозрительные, словно отныне никто никому уже не мог доверять.

– Я буду краток, – сказал Валеев. – Не стану обсуждать то, почему сейчас с нами нет Аркадия Алексеевича, – это работа органов правопорядка, и я пока воздержусь от суждений, кто прав и кто виноват. Чтобы не было кривотолков, прошу внимательно выслушать меня. Во-первых, если кого-то будут вызывать на допрос или требовать предоставить какие-либо сведения – немедленно ставьте меня в известность. Во-вторых, никакой информации для прессы; ссылайтесь на мое распоряжение, особо назойливых направляйте ко мне. Нечего этим стервятникам наживаться на чужих проблемах. В-третьих – и это, наверное, наиболее приятная новость, – я сокращаю рабочий день. Работаем по полдня – часть сотрудников до обеда, остальные – после. Определитесь между собой, хотите – составьте график, только в коридор на всеобщий обзор не вешайте. В общем-то, это все. Вопросы?

Ответом была гнетущая тишина. На лице Валеева появилось выражение «я-так-и-думал».

Все стали потихоньку расходиться, осталась лишь главный бухгалтер, Светлана Викторовна Гончарова, невысокая женщина сорока пяти лет. Она молча смотрела на Валеева, на бледном лице отражался калейдоскоп эмоций, от надежды до беспокойства, переходящего в животный страх.

– Что-то непонятно, Светлана Викторовна? – осведомился Сергей, достал пачку сигарет и щелчком ногтя ловко выбил одну.

– Я хотела бы напомнить вам о нашем уговоре, – тихо произнесла женщина. Она старалась не встречаться с ним глазами, так как просто не в состоянии была выдержать этот ледяной, немигающий, как у змеи, взгляд.

– А... – разочарованно протянул Валеев и небрежно сунул сигарету в рот. – Я же говорил вам, что ваши вопросы будут решаться тогда, когда я скажу, что все закончено. Помните?

Гончарова едва заметно кивнула, переведя взгляд в пол.

– Я разве говорил, что все закончено?

– Нет.

Валеев лучезарно улыбнулся, продемонстрировав ровные и белые зубы, которые не свойственны курильщикам.

– Тогда о чем разговор? У вас ко мне что-то еще?

Светлана Викторовна чуть ли не с ненавистью посмотрела на заместителя:

– Нет. Пока нет.

Улыбка исчезла с губ Сергея. Гончарова уже собиралась уходить, как он окликнул женщину:

– Гончарова!

Она обернулась.

– Ты знаешь, что будет, если ты совершишь необдуманные действия. Хорошенько подумай, прежде чем что-либо сделать.

Мгновенье главбух рассматривала Валеева с нескрываемым отвращением и, ничего не сказав, вышла.

«Сука», – подумал Сергей, достал зажигалку и направился к выходу. Он почти жалел, что остановил свой выбор на ней.

...Распрощавшись с Зыкиным, Артем вспомнил, что пообещал позвонить Полине.

– Артем, здравствуйте! – обрадовалась она, услышав голос адвоката. – Уж и не думала, что позвоните.

– Почему?

– Ну, дел, наверное, не впроворот...

– Это точно. Так что у вас случилось?

– Почему сразу случилось? Вы считаете, что вам звонят только тогда, когда пора кричать «караул»?

Павлов перевел дух. А ведь и в самом деле, в последние годы он настолько свыкся с этим жестким ритмом, не дающим никакого шанса расслабиться и отвлечься, что эти бесконечные авралы и цейтноты стали одной из неотъемлемых составляющих его повседневной жизни.

– Да, вы правы. Если у вас есть ко мне какое-то дело, мы можем встретиться и все обсудить, не так ли? – с легкой улыбкой произнес адвокат.

– С удовольствием, – после короткой паузы ответила Полина, и Артем готов был биться об заклад, что в тот момент она тоже улыбнулась. Он взглянул на часы.

– Если вас это устроит, мы могли бы встретиться у ресторана «Сакура», это неподалеку, рядом с Цветным бульваром. В девять вечера подойдет?

– Вполне.

Как только он отключил телефон, позвонил Иван.

– Слушаю, Ваня.

– Артемий Андреевич, я только что из «Трест-Банка».

– Как успехи?

– Мне повезло, там была супруга Ракитина, Мария Максимовна. Я представился, сказал, что работаю под вашим началом. Она, как только вашу фамилию услышала, сразу захотела с вами встретиться. Я телефон ее вам сейчас сброшу.

– Отлично. Еще что-нибудь?

– Они все считают, что Ракитина убили. Он ни за что не покончил бы с собой, – сообщил Ваня. – Его жена недовольна работой адвоката. Это Инна Сальская. Помните?

– Знаю такую, – буркнул Павлов. Скандальная пиарщица, больше волнующаяся за свой имидж и внешность, чем за судьбу подзащитных. Неужели Ракитин не мог выбрать кого-то другого? – Ванюша, спасибо, ты молодец. Пока отбой, если что, сразу звони.

Так... Значит, считают, что Ракитина убили? Павлов посмотрел в окно. Ситуация становится все более интересной.

Ужин на двоих

Полина опоздала на семь минут, но Павлов, у которого вся жизнь была расписана чуть ли не по минутам, не стал придавать этому значения. В конце концов, она – женщина, причем женщина, знающая себе цену.

– Что будем заказывать? – бодро спросила она, кидая крохотную сумочку из белой замши на стоящий рядом стул. – Я жутко проголодалась.

– Ваше меню, леди, – галантно сказал Артем, протягивая девушке толстую папку. Его цепкий взгляд тут же подметил свежий маникюр и макияж, а также эффектное платье изумрудного цвета, которое соблазнительно облегал стройную фигурку Полины.

Они сделали заказ, и, когда официант ушел, Павлов спросил:

– Может, вы скажете, что побудило вас искать со мной встречи?

– Какой вы, – Полина улыбнулась. – Никакой романтики.

– Ну, раз уж зашел разговор о романтиках, предлагаю перейти на «ты», – произнес Артем.

– С удовольствием. Ненавижу формальности.

– Но ведь ваша... Тьфу, твоя профессия прежде всего предполагает формализм, и формальности в том числе, – возразил Артем. – Соблюдение определенного стиля поведения, начиная с тактики ведения переговоров и заканчивая дресс-кодом. Разве не так?

– Ах, давай оставим это, – Полина сморщила носик, и этот умильный жест не мог не вызвать улыбки у Артема.

– Ладно. Перейдем к делу?

– Ага. Вы ведь сейчас занимаетесь банком «Сатурн»? – полюбопытствовала Полина, и Павлов на мгновение потерял дар речи, с изумлением глядя на журналистку.

– У меня что, на лице об этом написано? Боже, да скоро почесаться нельзя будет, чтобы об этом никто не узнал, – протянул он.

В это время официант принес заказ и, позвякивая приборами, принялся ловко расставлять тарелки.

– Благодарю, – сказал Павлов, когда все было закончено.

– Ты думаешь, я сижу у себя в кабинете и, как старая гримза, сочиняю былины про нашего президента, мечтательно закатывая глаза и грызя карандаш? – спросила Полина. – Я современная женщина.

Они одновременно рассмеялись. Журналистка подняла бокал с вином:

– За что выпьем, господин адвокат?

– Пусть мы никогда не будем жалеть о принятых решениях, – сказал Артем, и их бокалы, соприкоснувшись, издали мелодичный звон.

– Это нужно моей близкой подруге, – сказала Полина. Она принялась уничтожать рыбу и ела с таким удовольствием, что у Павлова у самого проснулся зверский аппетит. – Она тоже журналист, только работает в разделе криминальной хроники. Сама-то она стесняется...

– А ты, значит, смелая, – закончил за нее Артем. Он был более чем уверен, что никакой подруги нет и в помине, а если есть, то вряд ли она заинтересовалась судьбой какого-то там банка «Сатурн».

– Ты заметил, как на нас смотрят посетители? – вдруг спросила она.

– Очевидно, они завидуют, что я сижу с такой необыкновенной женщиной, – высказал предположение Артем.

Полина вытерла салфеткой руки и покачала головой:

– Нет. Просто они узнали тебя, Артем. Каково это, быть «звездой», а, адвокат? Кстати, тебе не приходило в голову, что адвокат начинается с частички «ад»?

Павлов рассеянно пожал плечами:

– У меня никогда не было времени на подобные размышления.

Свет стал медленно гаснуть, и заиграла медленная музыка.

– Потанцуем? – предложила Полина, и Артем встал из-за стола.

– Что тебе надо? – тихо спросил он, прижимая к себе упругое тело девушки.

Она молчала, уткнувшись лицом в его плечо.

– Ты придумала подругу? – как можно мягче поинтересовался Артем.

– Нет, она действительно есть. Только я сама вызвалась помочь ей. Сразу после того, как мы познакомились на передаче, – шепотом сказала она.

Артем ощутил, как внизу живота запульсировала приятная истома. Эта девушка в облегающем платье начинала будоражить его воображение.

– Пусть завтра позвонит мне, – он вдохнул одуряющий запах ее волос.

Полина подняла голову, в ее огромных глазах плясали бесенята:

– Вот еще. Стану я делиться таким товаром.

Они танцевали, двигаясь в такт мелодии, как внезапно Полина сказала:

– Ты ведь знаешь, что привлекателен, Павлов. Наверное, по десятку таких, как я, за день отшиваешь? Но сегодня мы разъедемся по разным адресам.

Артем усмехнулся и лишь крепче обхватил точеную талию девушки.

– Как скажете, леди.

Танец закончился, и они сели за стол.

– Спасибо, – сказала Полина и сделала маленький глоток из бокала.

– За что?

– За то, что согласился на встречу. Я думала об этом все время.

Артем посмотрел на часы, и Полина понятливо закивала:

– Все, вопросов больше нет.

Павлов попросил счет и в упор посмотрел на журналистку:

– Тебе не за что меня благодарить. Мне было очень приятно провести с тобой время. Надеюсь, ты тоже не жалеешь о сегодняшнем вечере.

И прежде чем он сказал что-то еще, Полина быстро перегнулась через стол и поцеловала его.

– Еще раз спасибо за ужин. Надеюсь, мы еще увидимся, – едва слышно проговорила она и, пока Артем собирался с мыслями, положила на стол несколько тысячных купюр со словами:

– Первое свидание оплачиваем поровну, Павлов.

Она предупредительно поднесла красивый пальчик к губам, не давая адвокату возможности что-либо возразить, и стремительно умчалась, как молодая лань, оставляя за собой шлейф возбуждающих духов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.